

18+

ПРУССКИЕ БОГИ

Филипп К.

Филипп К.

Прусские боги

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-445
К11

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

К. Филипп

К11 Прусские боги / Филипп К.. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 118 с.
ISBN 978-5-0065-9091-5

Когда-то на берегах Балтийского моря жили племена, которых мы сегодня называем пруссами. Мы знаем про пруссов очень мало — но до сих пор о них помним, что, согласитесь, неплохо для давным-давно исчезнувшего народа.

Эта книга — литературная игра, художественное воссоздание мифического мира древних пруссов по лоскутам сохранившихся легенд и исторических свидетельств.

УДК 82-3
ББК 84-445

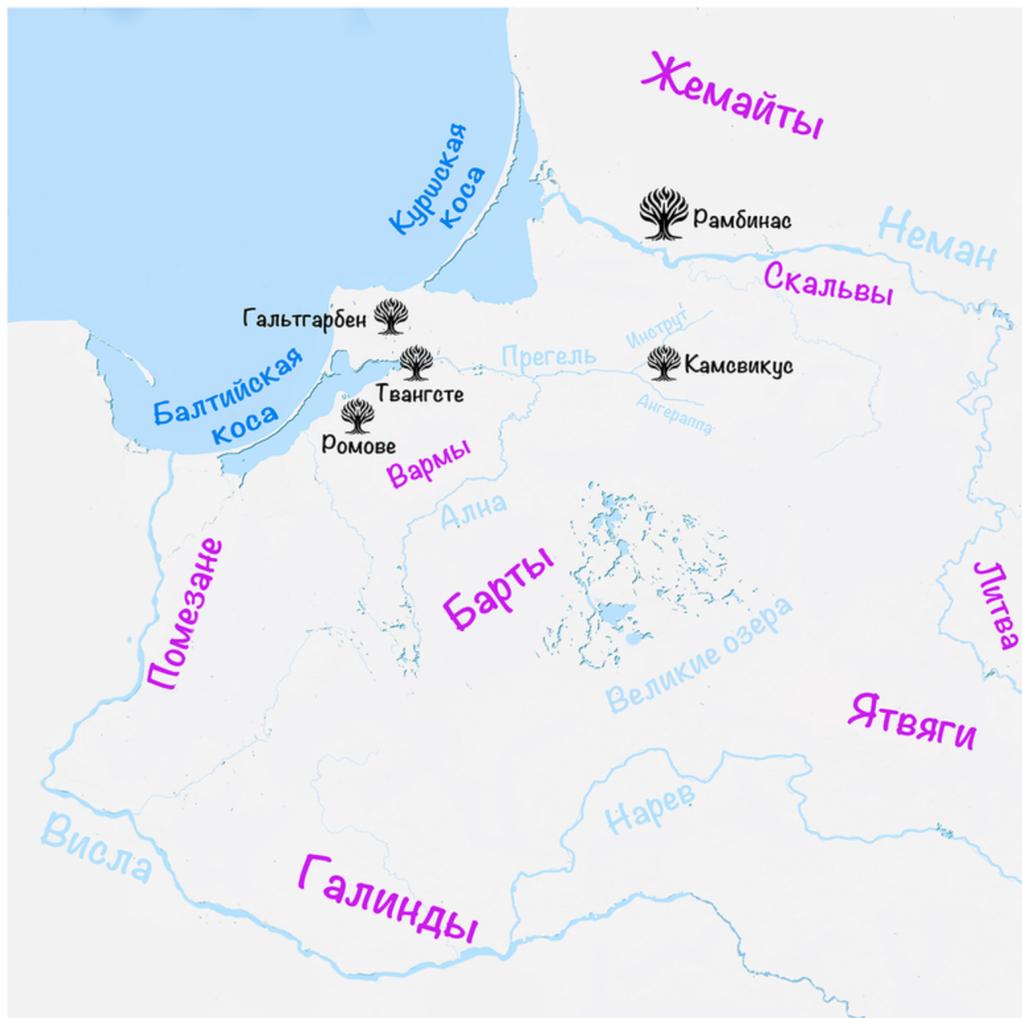
18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Филипп К., 2025
© Наталия Богданович,
ISBN 978-5-0065-9091-5 иллюстрации, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глоссарий	10
Сотворение мира	14
Громовержец и Дракон	17
Слезы Солнца	29
Неринга, или Как появилась Куршская коса	43
Пилла, или Как появилась Балтийская коса	60
Страна аистов	76
Конец времен	96
Литература	115

Посвящается В. — без тебя всего этого бы не было.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то на берегах Балтийского моря жили народы, которых мы сегодня называем пруссами. Это название не совсем корректное: во-первых, таких народов были несколько и названия у них были разные, во-вторых, сами они себя так никогда не называли. Но остальные известные нам именования тоже придумали иностранцы, поэтому все они одинаково далеки от истины.

Пруссы поклонялись природе и ее персонификациям — богам. Письменности у пруссов не было, а всю их историю писали колонизаторы, которых, как вы догадываетесь, не сильно интересовали обычаи и верования покоренных земель. Поэтому мы знаем про прусских богов настолько мало, что некоторые исследователи даже считают весь известный нам пантеон прусских богов мистификацией и выдумкой средневековых авторов.

Несмотря на это, историки и археологи сумели совершить чудо и добыть какие-то крохи знаний — скажем им за это большое спасибо. По этим фрагментам они смогли составить представление о жизни пруссов — согласитесь, неплохо для давным-давно исчезнувшего народа. Некоторым другим повезло гораздо меньше.

Я, конечно, постарался прочитать все, что смог найти про пруссов и их веру, когда работал над этой книгой, и узнал много интересного. Например, что до сих пор существуют люди, идентифицирующие себя как пруссы. Или что ученые смогли возродить прусский язык, который долгие

века считался мертвым, — и сейчас на нем даже записывают музыкальные альбомы! Мне кажется, это невероятный пример того, как человек может победить время.

Однако настоящих исторических данных у нас все равно очень мало, и поэтому эта книга — в первую очередь литературная игра. Основная задача мифа — объяснить мир, рассказать, почему гремит гром или солнце каждый день восходит на востоке, а садится на западе. Я тоже использовал известные нам мифы, чтобы воссоздать и объяснить мир, в котором жили пруссы. Многое мне приходилось додумывать, а кое-что даже откровенно перевирать, потому что так казалось логичнее или интереснее. Мне было важно населить этот мифический мир настоящими живыми людьми и похожими на людей богами — ведь только людям мы можем искренне сопереживать.

Поэтому правды и исторической достоверности в моих рассказах не больше, чем в рассказах любого древнего сказителя, — но и не меньше.

Я приглашаю вас сыграть со мной в эту игру. А еще, может быть, когда вы будете на Куршской косе, или холме Рамбинас, или на Мазурских озерах — вспомнить о каком-нибудь из героев этой книги.

Поверьте, для почти забытых богов нет ничего приятнее, чем память смертных.

P.S. За иллюстрации хочу поблагодарить Наташу Богданович (@wikitweech). Благодаря ее работам созданный мной мир стал более живым — и ощущается при этом родным и знакомым.

ГЛОССАРИЙ

Боги

Айтварас (Подземный огонь) — дух из литовской мифологии, предстает в виде огненного змея. Скорее всего, совершенно не похож на Айтвараса из этой книги.

Аустра — богиня утренней зари. Как и остальные богини, известна нам из литовской и латышской мифологии, в прусской мифологии сохранились только данные о богах мужского пола.

Аутримпс (Морской владыка, Повелитель пучин, Безграничный) — бог моря. По ряду предположений, некогда был богом всей воды Тримпсом, затем его функции были разделены между Аутримпсом (море) и Потримпсом (пресная вода, плодородие).

Аушаутс — бог-врачеватель.

Бардойтс — бог кораблей. О нем не сохранилось почти никакой информации, кроме имени. Предположительно тоже восходит к протобожеству воды.

Курхе — бог плодородия.

Лайма — литовская богиня счастья и судьбы, покровительница семьи и родов. Неизвестно, поклонялись ли прусские племена Лайме, но наверняка знали о ней.

Окопирмас — Творец вселенной.

Патолс (Пеколс, Повелитель Сокровенного царства) — бог смерти и преисподней, предположительно — один из трех главных богов.

Пергрубис — даритель жизни, бог растений.

Перкунас (Громовержец, Небесный огонь, Повелитель бурь) — бог грома и молний, предположительно — один из трех главных богов.

Пильвитс — бог удачи, богатства. О нем не сохранилось почти никакой информации, кроме имени.

Потримпс — бог пресной воды, предположительно — один из трех главных богов.

Пушкайтис (Лесной хозяин) — бог леса или в принципе земли. Ассоциируется с бузиной.

Свайкстикс (Негасимый свет, Горячий Вечный Свет) — бог света и/или солнца.

Места

Ална — река Лава, левобережный приток Преголи, протекает в Польше и России на территории Калининградской области.

Анграппа — река Анграпа, приток Преголи, протекает на территории Польши и России в центральной части Калининградской области.

Висла — река, протекает по территории Польши (через всю страну с юга на север).

Великие озера (Край больших озер) — Мазурские озера в Варминско-Мазурском воеводстве в Польше.

Гальтгарбен — священная гора (и, возможно, городище), находится рядом с п. Колосовка (Зеленоградский район Калининградской области).

Дылевская гора — самая высокая гора на территории, где жили прусские племена. Находится в Варминско-Мазурском воеводстве в Польше.

Инструт — река Инструч, приток Преголи, протекает в центральной части Калининградской области.

Камсвикус — священная гора (и, возможно, городище) пруссов, находится рядом с п. Тимофеевка (Черняховский район Калининградской области).

Нарев — река, протекает по территории Польши и Беларуси.

Неман — река, протекает по территории Калининградской области, Литвы и Беларуси. В нижнем течении служит государственной границей между Россией и Литвой.

Прегель — река Преголя.

Рамбинас — священная гора (и, возможно, городище), находится на литовской стороне реки Неман, рядом с деревней Барденай (Пагегское самоуправление, Литва).

Ромове — главное святилище пруссов. Вероятно, Ромове было два — первое располагалось рядом с п. Липовка (Мамоновский район Калининградской области). Позже, по мере захвата прусских земель тевтонцами, святилище было перенесено в окрестности современного п. Бочаги (Черняховский район Калининградской области).

Твангсте (Тувангесте, Твангесте) — поселение на месте современного г. Калининграда.

Ульмигания (также Ульмигерия, Ульмеригия, Островное царство, Островной край) — собирательное название земель, где жили прусские племена. Согласно данным хроник, в Ульмигании выделялись следующие земли: Бартия, Вармия, Галиндия, Любава, Надровия, Натангия, Погезания, Помезания, Самбия, Сасновия, Скаловия, Хелминская (Кульмская) земля. Рядом с пруссами жили и другие балтийские народы, которые упоминаются в этой книге: галинды, жемайты, курши, скальвы, ятвяги и пр.

Люди, предметы и духи

Барздуки — духи из свиты бога Пушкайтиса. Возможно, по функциям похожи на домовых.

Брутен — легендарный первый верховный жрец (Криве) пруссов. Предположительно вместе с братом Видевутом основал святилище в Ромове.

Видевут — легендарный король пруссов. Предположительно вместе с братом Брутенем основал святилище в Ромове.

Вайделот — жрец. Верховный жрец назывался Криве.

Дузии — возможно, название духов природы.

Маркополи — духи из свиты бога Пушкайтиса. Возможно, похожи на гномов (или скандинавских темных эльфов).

Паникс — священный огонь.

Путгон — гадатель по воде.

Рикис — вождь.

Рикият — союз или совет вождей.

Рикойто — «место пребывания господ», городище и/или святилище.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

В начале был Хаос, и содержал в себе Хаос все, что было, что есть, что будет, чего не было, что могло бы быть и чего бы быть не могло — и многое другое. Умом смертных такое не понять.

В какой-то момент из Хаоса вышел Окопирмас — Творец. Собственно, отсчет как раз и начался с этого события, Хаос в такой условности, как время, особо не нуждался.

Развел руками Окопирмас и взял из Хаоса Мокрую Вечную Тьму и постелил ее вокруг. Снова развел руками Окопирмас и взял из Хаоса Горячий Вечный Свет и зажег его над Мокрой Вечной Тьмой. Свету дал Творец имя Свайкстикс, а имя Тьмы мы никогда не узнаем — она умеет хранить свои секреты.

Свет был Жизнь, и в сиянии Света в Мокрой Вечной Тьме зародилось семя, и было это семя Священного Древа, и было то Древо — Дуб. Корнями потянулся Дуб к Мокрой Вечной Тьме, кроной восстал к Горячему Вечному Свету.

Определил Окопирмас, что крона Древа, где сияет Свет, станет обителью бессмертных богов — воплощений природных сил. Определил Окопирмас, что под корнями Древа, сокрытое ото всех, будет твориться величайшее из таинств — заканчиваться старая жизнь и начинаться что-то новое.

Ствол Древа по воле Творца стал земной твердью. На ней-то, как мы знаем, и происходило все самое интересное.

Землю Окопирмас назвал Ульмиганией, или Островным краем. Сушу со всех сторон опоясывала вода, которую зва-

ли Тримпс, а границы воды сливались с Мокрой Вечной Тьмой.

Многие другие боги и силы появились во время Творения — но обо всем по порядку.

ГРОМОВЕРЖЕЦ И ДРАКОН

Со времен Творения в Островном крае царила гармония. Мир был еще молодой и подвижный, многие вещи и понятия только-только появились (если, конечно, для вас пара миллионов лет — это недолго). Боги экспериментировали со своим «я» и с новыми жителями Мирового Древа — людьми. Откуда точно взялись люди, никто не знал — ходили слухи, что их кто-то сотворил из глины, но узнавать правду никому особо не было интересно. Когда всему Мирозданию пара эонов, появление новых вещей и явлений никого не удивляет.

Со временем боги поняли, что с людьми бывает интересно, более того, от них есть ощутимая польза. В их хрупких, *предположительно глиняных*, телах скрывался отблеск Света Творения. Люди умели делиться этим Светом друг с другом и — как оказалось — с богами, причем чем больше Света они отдавали, тем сильнее он разгорался в них самих. Богов эта искорка Света приятно согревала и радовала. Так боги и люди научились взаимодействовать и даже приносить друг другу пользу — настолько, насколько это слово можно использовать в ситуации, где одна сторона — это воплощения космических сил, а другая — это отблески Света Творения, временно упакованные в кусочки материи (скорее всего, в глину, но это не точно).

В итоге часть божественного «я», раньше вмещавшего только силы природы, распространилась и на то, чем занимались люди. Аутримпс, Морской владыка, стал помогать

морякам и рыбакам. Пушкайтис, Хозяин леса, делился зверьем с теми, кто охотился. Даже у тех, кто хотел окунуться в глубины таинств, был покровитель — Патолс, Повелитель сокровенного царства.

К сожалению, идиллия продлилась недолго. Прошло время, и люди совершили важное, но довольно неприятное открытие — оказалось, что отнять скот и урожай у других людей гораздо проще, чем вырастить свой. Надо просто прийти в место, где живет другой народ, и почти всех там убить. Потом можно было забрать в рабство тех, от кого пользы больше, чем вреда, и напоследок прихватить с собой чужие еду и скарб. Некоторых людей настолько вдохновило это открытие, что они были готовы совершать набеги даже просто так, из спортивного интереса.

Те народы, которым новое изобретение пришлось не по душе, вынуждены были совершить другое, не менее неприятное, открытие — если к тебе в деревню пришли жаждущие крови люди, с ними очень трудно договориться и решить дело миром.

В итоге этой печальной череды событий почти у каждого племени, населявшего Ульмиганию, появились специальные люди — витинги. Они не производили ничего, кроме убийств, но всем остальным жителям приходилось обеспечивать их едой и кровом — чтобы не пришли чужие витинги и не отняли еще больше.

Боги с любопытством смотрели на этот новый поворот. Им казалось, что убийство ради добычи, да и сама концепция войны, не очень вязались с замыслом Создателя — но воля Окопирмса-Творца всегда была непостижимой. В итоге небожители решили не игнорировать новый тренд и назначить покровителя этого нового ремесла. Бранных мужей под свое крыло взял Перкунас — громогласный и яростный Повелитель бурь. Получилось это почти случайно — Перкунас любил иногда расшвыривать по небу отблески Небесного огня, и остальные боги решили, что это немного похоже на войну.

Тем временем свежую землю Островного царства обга-рили реки крови. Большинство войн совершалось в честь Перкунаса, и имя Громовержца звучало на земле чаще, чем любого другого божества. Так война окончательно вошла в «я» Перкунаса, стала его неотъемлемой частью. А что такое война, кроме боли и горя? Конечно — жадность и гордыня.

Новому Перкунасу, чье «я» впитало в себя эти качества, стало слишком тесно быть просто одним из многих обитателей кроны Священного Дуба. Даже всех тех искорок Света и веры, что делились с ним люди, ему стало мало — он захотел еще больше Света, как будто забыл, что сам из этого Света рожден. Перкунас возжелал стать первым после Творца, а может, и превзойти Его. В великой гордыне Громовержец решил, что для этого ему надо было расширить свое «я», распространить его на другие области Творения. Того, что давали смертные, было слишком мало, а значит — надо было подчинить своих родичей.

Акт Творения, раз начавшись, по-прежнему продолжался, поэтому новые явления, а значит, и новые боги, все еще появлялись. В их числе был Потримпс, бог рек и озер. Старик Аутримпс, покрывавший когда-то всю землю, отделил эту часть своего «я» относительно недавно — помните, когда земля еще была горячая? Не помните? Не важно, кто надо — тот помнит. Так вот, Потримпс отвечал за пресную воду, а значит — помогал людям с земледелием. Раньше это всех устраивало, но новый Перкунас в своей бранной ипостаси решил — зачем славить реки, когда можно славить грозу?

Мировое Древо тогда было еще не таким высоким, поэтому Небеса были гораздо ближе к земле, и божественные новости распространялись среди смертных очень быстро. Жрецы-вайделоты тех племен, что выбрали Громовержца своим покровителем, довольно скоро сообразили, что теперь мольбу о хорошем урожае тоже надо возносить Перкунасу. Воины-витинги обрадовались, что их бог становится

еще могущественнее — и огнем и мечом разнесли эту весть по всей Ульмигании.

Остальные боги не очень понимали, как реагировать на перемены — но, как вы догадываетесь, они были не в восторге. Война между богами еще совсем недавно казалась чем-то невообразимым — что могут делить между собой, скажем, Лес и Удача? Море и Смерть? Или вообще — Творец и Хаос?

Потримпс особо не возмущался переменам — его текущему «я» была противна идея конфликта, да и вся эта возня с плодородием отнимала много усилий, которые можно было бы потратить на создание новых рыб. Потримпс любил рыб и почти безвылазно сидел в своем замке, где всех рек начало начал, и экспериментировал с эволюцией. Особенно он любил сомов и угрей — они, по его мнению, удались лучше всего.

Но были среди бессмертных и те, кто не был готов спустить Громовержцу с рук рейдерский захват чужой божественности.

На изломе весны боги собрались на пир в честь Пергрубий — праздника, когда мир пробуждался от зимнего сна. Боги любили этот праздник — но понимали, что в этот раз он может быть омрачен скандалом. Некоторые предлагали даже не звать Перкунаса — но другие справедливо отвечали, что воинственный бог может оскорбиться, если праздник проведут без него. В итоге решили не рисковать, и Громовержец явился на пир во всей своей сияющей славе.

Наконец, сели за стол. Свайкстикс на правах старшего надел на голову ритуальный венок из колосьев, поднял чашу с пивом и произнес тост:

— За очередной поворот Круга и за сохранение мирового Порядка!

Боги с радостью присоединились к тосту и с удовольствием выпили хмельного — начало весны любили все, даже сумрачный Патолс. Но, к сожалению, спокойствие длилось

недолго — в пиршественный зал влетел Айтварас, Подземный огонь.

Это было неожиданно — подземные боги редко поднимались к кроне Древа. Их не особо интересовало то, что происходит на поверхности, гораздо больше они увлекались тайнами, которые скрывает мать Тьма. К тому же Подземный огонь принял самую недружелюбную свою форму — огнедышащего дракона. «Я» дракона было не менее жгучим, чем у Перкунаса.

— О каком порядке ты говоришь, Негасимый Свет, если нет в Мироздании никакого порядка? Неужели не знаешь ты, что Перкунас пытается узурпировать власть, стать рикисом — вождем богов?

Свайкстикс-Свет, чье «я» было Жизнь, и Любовь, и Смысл, растерялся и промолчал — впервые в истории его в чем-то обвиняли. Айтварас продолжил:

— А ты, Громовержец, почему думаешь, что достойнее всех? Твой Небесный огонь — отблеск Света Творения, но и мой Подземный огонь — его отблеск! Я могущественнее тебя, и ты это знаешь. Но посмотри на себя сейчас — ты раздут от веры, собранной с людей! Мы, кто живет у корней Древа, не опираемся на смертных, потому что знаем, как опасна и недолговечна та сила, что они дают.

— Айтварас, зачем ты здесь? Зачем подземные боги решили вмешаться в наши дела? — нашел, наконец, слова Свайкстикс. — Мы разберемся с Перкунасом сами и определим его место среди нас.

— За счет других? Ты же знаешь, что Потримпс течет и под землей, питая наш мир? Что будет, если иссякнет его сила? Перкунас будет заниматься подземными водами? Да тогда они станут хуже яда! Мать Тьма не потерпит такого надругательства! Я не оставлю этого так, раз Отец не вмешивается — вмешаясь я. Я вызываю тебя на поединок, Громовержец!

Все в ужасе посмотрели на Перкунаса. Тот сжал челюсть, воздух вокруг него наэлектризовался настолько, что у одной

из стоящих рядом богинь поднялись в воздух волосы. Наконец, Громовержец процедил:

— Ты совсем потерял страх, червь, приходишь сюда и указывать нам, как нам жить! Я с радостью принимаю твой вызов и с удовольствием закопаю тебя в грязь, из которой ты вылез!

Место для поединка выбирали долго — так, чтобы схватка богов не навредила Мировому Древу. Наконец, определили, что мериться силой Перкунас и Айтварас будут на границе зримого мира, где воды моря сливались с Мокрой Вечной Тьмой. Аутримпс, Морской владыка, конечно, поворчал, но был вынужден признать, что более подходящего места в Мироздании просто не найти.

Если бы смертные могли такое видеть, их взору представало бы великолепное зрелище. Представьте себе Свет, и Смерть, и Лес, и Удачу, и Воду, и многие другие явления и стихии, собравшихся посмотреть, как Небесный огонь и Подземный огонь будут спорить за самую актуальную новинку сезона — Власть.

Наконец, Свайкстикс дал сигнал к началу дуэли. Перкунас гневно польхнул Небесным огнем, и жерла земли исторгли дыхание Айтвараса. Если бы на это посмотрели глаза смертного — они бы увидели множество молний, бьющих в горловину кипящего, исходящего лавой вулкана. Как вы догадываетесь, это было бы последнее, что увидели эти глаза.

Битва продолжалась, и в Мироздании стало очень жарко. В воздух поднялись облака раскаленного пепла и окутали весь ствол Древа. Облака эти были настолько густые, что даже свет Свайкстикса почти не проникал к земле. Туман божественной войны был страшен и беспощаден.

Огонь так устроен, что не перестанет гореть, пока не выжжет все на своем пути. Оба бога были уверены в своей

праве и, хоть и выбились из сил, не шли на попятную. Но что для бога — короткий миг, для смертных — солидная часть жизненного пути. Прошли весна и лето, наступала осень. В отсутствие солнца земля, несмотря на все старания остальных небожителей, практически не дала плодов. Наступил великий голод.

Некоторые неразумные вымерли — например, гигантские ящеры, экспериментальный проект Окопирмаса-Творца. Люди держались чуть лучше, но и они находились на грани исчезновения. Голод и холод привели к тому, что рук стало резко не хватать — и поэтому даже гордых витингов привлекли к работе. Из-за этого со временем войны на земле остановились — ни у кого просто не осталось сил и времени воевать.

Подземные боги не зря считают, что вера людей — опасная игрушка. На Айтвараса, чей огонь питают подземные недра, события на земле никак не повлияли. А вот «я» Громовержца, принявшее в себя и войну, и власть, стало сокращаться. Аукнулось ему и отнятое у Потримпса плодородие — в отсутствие урожая многие украдкой проклинали Небесный огонь за то, что не защитил и не дал еды. Наконец, спустя долгие — для людей — месяцы Айтварас победил Перкунаса. Небо перестало кровоточить огнем, и на окраине Мироздания снова стало темно.

— А теперь, Громовержец, тебя ждет тюрьма!

Подземные токи скрутили Перкунаса и отправили его вниз, к корням Древа — томиться в вековечной Тьме. В мире вновь воцарился относительный покой. Смертным, впрочем, не стало сильно легче — облака пепла, оставшиеся после битвы богов, все еще почти не давали Свету проникать к земле и дарить ей жизнь.

Айтварас сказал, что теперь покровительствовать витингам будет он — как ребенку великой Тьмы, ему будет проще справиться с соблазном власти. Но война — это яд, разъедающий все на своем пути, поэтому со временем даже

мудрый Подземный огонь, отразивший множество тайн времен Творения, стал злым, раздражительным и агрессивным. Он, как мог, контролировал себя, но какой-нибудь вулкан нет-нет да извергался где-то на окраине ведомого мира.

Небожители, обычно радостные и беспечные, загрустили — мир погрузился во тьму, смертные оказались на грани вымирания вслед за древними ящерами. Как это часто бывает, в своей бесконечной мудрости боги печалились и ничего не делали, а решение проблем пришлось взять в свои руки деятельной молодежи. Потримпс, тот самый бог текучих вод, которого никто не принимал всерьез, разработал план, как спасти Мироздание. «Я» Потримпса действительно текло в том числе и в подземном царстве — и он решил воспользоваться этой возможностью, чтобы втайне от Айтвараса поговорить с Перкунасом.

Удержат молнию под землей непросто, но мудрый Подземный огонь нашел способ. Он попросил подземных духов, маркополи, соорудить особую клетку. Мастеровитые духи всегда восторгались возможностью изобрести что-то новое, поэтому собрали редкие металлы, о большинстве которых люди еще и не знали, — и построили идеальную темницу. Молнии Перкунаса врывались в сферическую сетку, но поглощались хитроумным устройством — и, больше не страшные, отводились в землю. Таким беспомощным Небесный огонь не был еще никогда.

Потримпс по капле просочился в темницу Громовержца.

— Ты здесь, Перкунас? — простучали капли по металлу.

— Здесь, Потримпс, — прогудела молния, скованная металлическими оковами. — Я ожидал кого угодно, кроме тебя. После того, как я так тебя оскорбил!

— Как говорит одно земное племя, с тех пор много воды утекло. Не в моей природе долго держать обиды.

— Я рад слышать, что ты нашел в своем сердце мудрость простить меня. Проведя время здесь, во тьме, я понял, насколько был неправ, впусив войну в свое сердце.

— Я мог бы позлорадствовать, что могучий Громовержец кается и признает свои ошибки, но сейчас не время для этого. Нам нужна твоя помощь — мир сокрыли темные облака, и Горячий Вечный Свет почти не пробивается к стволу Священного Дуба. Айтварас ничего с этим не делает — возможно, просто не хочет, но, мне кажется, не может. Что Подземный огонь знает про небо? Мы опасаемся, что такими темпами вся жизнь в мире вымрет.

— Но как же мне вырваться? Айтварас сейчас несопоставимо могущественнее меня, я не смогу просто сбежать.

— У меня есть одна идея, — печально прожурчал Потримпс. — Боюсь, ничего лучше мы не придумаем.

Все знают, что молния и вода — совсем не лучшие друзья, но иногда, ради блага мира, им приходится взаимодействовать. Потримпс постепенно заполнил собой всю пещеру, в которой скрывалась темница Перкунаса, и металлические пути перестали сдерживать молнию. Вместо этого ток Громовержца пошел по подземным водам Потримпса. Оба они изнывали от боли — но зато, наконец, Небесный огонь вырвался из темницы. Покинув плоть земли, Перкунас взвился в вершины и поднялся к кронам Мирового Дуба.

Айтварас кисло посмотрел на противника:

— Вырвался, значит. Я понимал, что рано или поздно это произойдет. Честно говоря, я даже рад, что ты смог сделать это так быстро.

— Не нравится тебе власть над богами и людьми?

— Власть — самый горький яд, который есть в мире. Непонятно вообще, как в принципе Творец мог придумать такое. Может, это не Он, а люди? Власть хуже безумия, это огонь, причем не такой, как мы, — он разъедает все изнутри, но не очищает.

— Я понимаю. Время, которое я провел в недрах Мокрой Вечной Тьмы, пошло мне на пользу — я слышал, как там, под корнями Древа, жизнь людей превращается в смерть, смерть — в посмертие, а посмертие — во что-то новое, что

даже я пока не смог осознать. Я понял, что жизнь смертных — это такое же чудо, как жизнь богов, а может быть, и более восхитительное. С этим знанием я смогу лучше контролировать себя, когда дело доходит до войны.

— А власть? Люди научили нас этому, как мы теперь сможем добровольно отказаться от нее?

— Это я тоже понял. Ядовитое пламя власти становится не таким обжигающим, если его разделить. Смотри!

Небесный огонь подошел к Айтварасу, на секунду слился с ним — а потом вернулся, сияющий золотым светом.

— Смотри, как просто! Хочешь, раздели ее со мной?

— Нет, я понял, что эти игры не для меня.

— Как раз то, что ты не хочешь власти, делает тебя наилучшим претендентом на нее. Но если ты отказываешься — мы найдем, кто примет ее за тебя.

— Хорошо, но что делать с плодородием? Именно с того, как ты обидел Потримпса, и начались все проблемы.

— Этот вопрос уже тоже решился, смотри.

Перкунас принял свой любимый облик огромного черного козла — и стукнул копытами по стволу Мирового Древа. Разразилась гроза, задул ветер, черные вулканические тучи немного расступились — и из них пролился дождь. Там, где вода касалась земли, расцветала жизнь.

— Когда наши с Потримпсом «я» слились, то общее, что было между нами, получило новую жизнь. Когда Небесный огонь объединяется с пресной водой — рождается Жизнь. Это уже не совсем я и не совсем Потримпс — здесь родился новый бог!

— Я рад, что вы так чудесно разобрались. Если бы вы сами сделали это с самого начала — никаких проблем бы не было, да и я был бы целее. После такого приключения мне придется очень долго отлеживаться во Тьме, чтобы отдохнуть! — сказал так Подземный огонь — и улетел к сокровенным горизонтам.

Боги держали совет, и верховную власть над миром разделили между Перкунасом, Потримпсом и Патолсом. А в память о битве между Громовержцем и Драконом сказали людям всегда жечь во всех храмах на земле священный огонь — *паникс*.

СЛЕЗЫ СОЛНЦА

В какой-то момент Перкунас заскучал. Ему приходилось быть правителем земли и небес, отвечать на молитвы смертных, контролировать погоду — и со временем это все стало тяжело и скучно. Особенно для того, чья природа — огонь и Свет.

Когда Громовержец скучает — это плохо для всего Мироздания. Сначала Перкунас метал молнии почти каждый день, потом стал выходить на конную прогулку по небосклону в сопровождении своей свиты, духов ветра. От такого количества гроз люди на земле думали, что наступил конец времен.

Патолс, повелитель Сокровенного царства, решил взять дело в свои руки. Он поднялся к кроне Священного Древа и спросил Перкунаса:

— Загрустил, братец? Не милы тебе больше чудеса Творца?

— Чудеса Творца мне милы. Мне не мила ответственность. Мне кажется, в замысле Отца есть какой-то изъян, раз мне, отблеску Его Света, приходится работать!

— Просто в наших жилах течет кровь Хаоса, перемены — наше естество, а у тебя давно ничего не менялось. Кажется, с того самого инцидента...

— Не надо об этом, — буркнул Громовержец. — У тебя есть какие-то идеи, или ты просто так пришел, поиздеваться? У вас-то во Тьме наверняка повеселее.

— Не прельщайся чужой участью, Небесный огонь, пока не узнаешь, какую за нее платят цену. Я придумал нам с тобой развлечение. Ты же знаешь, что смертные тоже носят в себе искру Света?

— Ага, их, кажется, как раз из-за этого сделали из глины.

— Не совсем так, но это неважно. Я проводил эксперименты, и оказалось, что такие, как мы, тоже при желании могут поместить себя в тело смертного!

— Ты уверен?

— Уверен. Ты можешь отделить часть своего «я» и поместить ее в материю — я покажу как.

— Ты уже это делал?

— Да, это довольно любопытно.

— И что, мы пойдем на землю? А как же погода? А молитвы?

— За последнее время ты послал столько дождя, что даже у нас во Тьме капает. На Потримпса смотреть больно — так располнел, бедняга. Оставь его за старшего, ему тоже полезно будет от тебя отдохнуть.

— Мне нравится идея! — польхнул Перкунас. — Показывай, что делать.

Так Перкунас и Патолс отправились в первый в истории Мироздания отпуск.

Громовержец был в восторге от нового развлечения. Сначала он просто воплощался в смертное тело и наслаждался тем, как все его силы — и Небесный огонь, и тайный ток энергии Творения — становились как будто недоступны. Из ощущений, знакомых людям, это больше всего походило на спуск на американских горках — восторг, смешанный с ужасом в пропорции примерно пятьдесят на пятьдесят.

Потом он учился взаимодействовать с материальным миром — восторженно ощущал, как ветер гладит его кожу, как трава щекочет ступни, как пение птиц отражается от его ушных раковин и попадает внутрь головы, как мельчайшие части Света оседают на его глазах, позволяя видеть мир совсем не так, как ему, Громовержцу, было привычно — всего в трех, максимум четырех измерениях.

Когда Перкунас наигрался с собственной материальностью, Патолс подкинул ему новую идею — что в таком виде можно взаимодействовать не только с природой, но и со смертными. Эта мысль показалась Небесному огню почти неприличной, но, поразмыслив, он решил попробовать.

Для начала они пришли в небольшую рыбацкую деревню на берегу моря и попросили еды. В те времена, несмотря на огромное количество исходящих отовсюду опасностей, люди были скорее любопытны, чем подозрительны — поэтому с радостью приняли двух путников и принялись расспрашивать их, откуда те пришли. Пока Патолс вешал рыбакам на уши еще не изобретенную лапшу, Перкунас впервые в жизни попробовал пищу смертных. Это была простая уха из скумбрии, нам бы она сегодня показалась пресной — Островной край не был богат на специи. Но Перкунас, впервые испытывавший, как рецепторы на языке считывают вкус еды и передают их мозгу, был так поражен, что для него скудная похлебка оказалась лучше пира богов.

Наконец, небожители попрощались и покинули деревню. Скинув смертную шкуру, Небесный огонь расчувствовался настолько, что земли вокруг деревни принесли несколько урожаев в год вместо одного.

— Люди так остро чувствуют жизнь, как я не чувствовал никогда! Они лучше нас?

— Это спорный вопрос, Громовержец. Потому что они острее чувствуют не только удовольствие, но и страдание. И, честно говоря, страдают они почти всегда.

— Так не должно быть! — полыхнул в небе гневом Перкунас. — Нельзя, чтобы их и без того короткая жизнь уходила на страдания! Я это исправлю.

— Я желаю тебе удачи, — грустно улыбнулся Патолс. Впрочем, он был истинным сыном Матери Тьмы, и улыбку эту никто не увидел.

Перкунас с энтузиазмом, доступным только Огню, принялся улучшать жизнь смертных. Люди стали шепотом рассказывать друг другу о таинственном путнике, который приходит в деревню и приносит удачу и благоволение богов. Неизвестно, догадывались ли люди о том, что к ним приходит кто-то из небожителей, но закон гостеприимства тогда стал настолько важным, что к любому гостю хозяева дома относились чуть ли не лучше, чем к собственным детям. Детей, если что, можно новых нарожать, а лишиться достатка из-за того, что обидели важного гостя, было бы обидно.

Остальные боги с восторгом отнеслись к новому хобби Перкунаса — некоторые поддержали его и тоже стали ходить к смертным, другие просто выдохнули, оставшись без излишней опеки и контроля, которыми грешил иногда Громовержец. К числу последних относился и Меникс-Месяц, сын Свайкстикса-Солнца.

Месяц замещал отца, когда тот отдыхал от дневных трудов, — освещал ночной небосклон божественным Светом. Остальное время Меникс проводил во Тьме и поэтому с Перкунасом пересекался редко. Это не мешало Месяцу недолго любить Громовержца — громогласный Небесный огонь был полной противоположностью тихому и погруженному в свои мысли ночному светилу. Но с тех пор как Перкунас начал постоянно бывать на земле, Меникс стал чаще появляться на небосклоне — иногда даже до того, как Свет

отходил ко сну, или после того, как он пробуждался. Тогда же он впервые обратил внимание на Аустру, Утреннюю Зарю. Она была тем, что он всегда искал, она походила на него самого — одна часть ее божественного «я» скрывалась во мраке ночи, а другая была Светом. При этом, в отличие от сестер Меникса, звезд, Заря была совсем другой, непонятной и загадочной. А что любят жители Тьмы больше, чем загадки?

Месяц стал каждый день дожидаться появления Зари на небосводе. За то короткое время, что они могли проводить вместе, они старались получше узнать друг друга, и со временем Заря тоже прониклась симпатией к красивому и загадочному Месяцу. Но страдание, увы, вплетено в судьбу не только смертных, но и богов.

Однажды ночью, когда Меникс беззаботно прогуливался по небесному куполу, дожидаясь встречи с возлюбленной, к нему обратился Аустримпс, Морской владыка.

— Так дальше продолжаться не может, Месяц.

— Что именно не может продолжаться, Безграничный?

— Ты не можешь постоянно сидеть здесь по ночам, это не в порядке вещей! Ты должен, конечно, иногда подменять отца, но не каждую же ночь! И от заката до рассвета?!

— Прости, Аустримпс, но какое тебе до меня дело? Я в небе, ты — вокруг земли, чем я тебе мешаю?

Морской владыка, конечно, не мог этого сказать прямо, но Месяц его просто раздражал. Каждый раз, когда он видел на небосводе бледный диск, воды моря поднимались в негодовании — и опускались только тогда, когда Месяц уходил, уступая место своему отцу.

— Не положено — и все, — сказал тем временем Аустримпс. — Нечего вам, молодежи, перечить замыслу Творца, нашлись тут, умные. Или ты будешь реже показываться на небе — или я буду говорить об этом с Перкунасом и остальными.

После разговора Повелитель пучин удалился. Месяц дождался Зарю, но свидание было безнадежно испорчено. Когда возлюбленный рассказал ей о том, что случилось, Ауэстра сказала:

— Мне будет тебя не хватать, но мы можем попробовать видеться реже. Если это поможет избежать ссоры...

— Не хватало еще всяким старым пердунам указывать, как мне жить! Захочу — буду сидеть хоть всю ночь на небе, что он мне сделает!

Ауэстра рассмеялась, восхищенная храбростью возлюбленного, и впервые поцеловала его. На щеке Месяца осталась маленькая ямочка — первая, но далеко не последняя.

Владыка пучин был очень старым и очень мудрым, но терпение так и не стало его сильной чертой (если, конечно, терпение вообще сильная черта). Каждую ночь, вместо того чтобы в покое готовиться к новому дню, он был вынужден наблюдать, как малолетний выскочка торчит на небе вопреки его воле и ждет свою возлюбленную. Ауэтримпс возмущался, и от его возмущения морские воды продолжали подниматься.

Наконец, Повелитель пучин дождался момента, когда Перкунас наиграется на земле, — и явился во дворец Громовержца.

— О, Ауэтримпс, проходи! Ты не поверишь, что со мной произошло! Я был на земле и — представь себе! — заблудился! Вокруг не было людей, и я спросил дорогу у коня. Он мне не ответил, заявив, что у него очень много дел и, вообще, он обедает! Я даже дар речи потерял от такой наглости! К счастью, рядом была корова, и она была очень любезна. Ничего-ничего, я подскажу людям, что лошадей можно использовать в быту, у них теперь не будет времени обедать. А вот коров скажу беречь, пусть...

— Это все крайне увлекательно, Небесный огонь, — перебил Аутримпс. — Но мне хотелось бы обратить твое внимание на безобразия, которое творится здесь в твое отсутствие. Не знаю, видел ли ты во время своих странствий, но Месяц постоянно торчит на небосклоне! Он приударил за Аустрой. Я, конечно, не против, но это нарушает порядок вещей!

— Ну ладно тебе, что ты! Пусть молодежь повеселится! Ну мешают они тебе спать, ну и что? Может быть, тебе тоже воплотиться в смертного, погулять по Ульмигании?

— Я воздержусь, спасибо, — сухо ответил Морской владыка. — Что-то мне подсказывает, что смертные еще доставят нам много беспокойства. Тем временем я хочу напомнить тебе, Перкунас, о твоих обязанностях, которые ты сам на себя возложил. Наведи порядок на небесах, а то мне придется заняться этим самому — и поверь, это никому не понравится.

Аутримпс ушел, но во дворце Громовержца еще долго не выветривался йодистый запах — настроение у морского бога явно было штормовое.

Если вы хоть что-нибудь знаете о влюбленности, то уже догадываетесь, что Меникс не послушался Владыку пучин. Ничто не могло разлучить его с Аустрой, и он продолжал каждую ночь появляться на небосклоне. Аутримпс гневался, и воды его грозили поглотить Островное царство. Перкунас понял, что сама собой проблема не решится, и собрался поговорить с Месяцем. Он запряг свою боевую колесницу и отправился на встречу, гремя на все Мироздание.

— Привет, кузен. Дальше так продолжаться не может, — Небесный огонь перешел сразу к делу.

— И ты здравствуй, Громовержец. Неужели Аутримпс уже успел тебе пожаловаться?

— Ему даже не нужно было этого делать — посмотри, что творится на земле!

Отсюда, с купола небес, было прекрасно видно, что обнимающее Ульмиганию море, залитое лунным светом, поднялось выше обычного и медленно захватывало сушу.

— Но это же не моя вина, что он гневается! — воскликнул Месяц, осознав масштаб бедствия. — Чего он вообще так на меня взъелся? Ревнует?

— Ты же знаешь, что Свет странно воздействует на море, особенно твой Свет, несущий отблеск Тьмы. Я не хочу становиться на сторону дяди, тем более что я прекрасно понимаю тебя. У меня у самого недавно появилась возлюбленная, Барта, — представь себе, на земле, смертная! Но Аутримпс, боюсь, нам не по зубам. Если он затопит Ульмиганию, Окопирмасу это точно не понравится.

— Хорошо, — сжав зубы, сказал Меникс. — Я что-нибудь придумаю.

— Вот и славно! Уверен, можно найти выход, чтобы не раздражать море. Составить расписание...

— Да, конечно. Расписание. Это сработает.

План созрел в голове Месяца почти сразу после того, как Перкунас, громыхая, укатил назад в свой дворец в кроне Мирового Древа. Аутримпс давил влиянием и статусом, и Месяцу нечего было ему противопоставить. Пока что нечего.

Меникс рассказал возлюбленной о разговоре с Громовержцем и предупредил, что не сможет провести с ней несколько рассветов, но потом все станет только лучше. Заря, конечно, почувствовала неладное, но решила, что это говорит уязвленная гордость Месяца, а потому решила промолчать. Всем в Мироздании известно, что мужское эго — вещь деликатная, хрупкая, и его надо беречь, а то будет хуже.

Несколько ночей подряд Меникс не появлялся на небе. Аутримпс, считающий, что все сложилось так, как ему хотелось, спокойно отдыхал, и море было в своих границах. Всем показалось, что покой вернулся в Островное царство, но, увы, ничего еще не закончилось.

Месяц сидел во Тьме и обдумывал свой план. Для того чтобы на равных бодаться с Морским владыкой, омывающим все Мироздание и смыкающимся в своей бесконечности с первородной Тьмой, ему нужно грозное оружие. Из всех живых существ помериться силой на равных с Аутримпсом мог бы, пожалуй, отец Месяца, Свет Творения — но ни один нормальный мужчина в такой ситуации не пойдет за помощью к папе. Поэтому лунный бог решил, что ему нужно грозное оружие, способное противостоять морю.

Самым мощным оружием на свете были молнии Перкунаса — отблески Небесного огня. Проблема только в том, что молнии были частью «я» Громовержца — и больше, конечно, никому не подчинялись.

Впрочем, во Тьме нашелся секрет того, как обмануть могучее оружие. Во Тьме в принципе были секреты на любой случай, она просто не делилась ими абы с кем. Меникс же был любимчиком Тьмы, и ему она рассказала, как подчинить молнию.

Еще несколько дней ушло на подготовку — Месяц проводил нужные ритуалы, создавая иллюзию достаточно крепкую, чтобы убедить молнию, что он — это Громовержец. Ему пришлось побывать в шкуре Перкунаса — которого, как мы помним, Меникс недолго любил. Ему пришлось натираться кровью жертвенного козла и можжевельником и совершать другие ритуалы, о которых я вам не расскажу, чтобы у вас не возникло соблазна прикинуться Небесным огнем.

Наконец, иллюзия стала достаточно прочной, осталось дожидаться, пока Перкунас отправится на землю — в смертной оболочке его «я» на время отключалось от божественного всеведения. Наконец, этот день настал, Перкунас спу-

стился в Ульмиганию, а Месяц под его личиной прокрался сначала во дворец, а потом — в оружейную комнату. На охрану и слуг обман подействовал, теперь предстояло главное испытание — обмануть стрелы Небесного огня.

Пытаясь отбросить волнение — Перкунасу оно неведомо, молнии сразу бы почувствовали неладное, — Меникс сделал глубокий вдох и взял в ладонь самое грозное оружие во Вселенной. Тьма не подвела лунного бога — молнии признали его.

Собрав столько молний, сколько мог унести, Месяц поднялся на небосклон. Он увидел весь мир — и опоясывающее его море, и проступающий сквозь эту картину ствол Древа, и царящую вокруг Тьму. За пределами Тьмы не было видно ничего, но Меникс знал, что где-то там, дальше, царит Хаос.

— Аутримпс! Ты посмел оскорбить меня и разлучить меня с моей возлюбленной! Я — сын Света Творения, и не тебе указывать, как мне жить!

Со всей мощью, доступной Ночному Солнцу, швырнул Меникс молнию в море. Не до конца понятно, чего именно Месяц хотел добиться, вряд ли в его планах было иссушить Владыку пучин. Скорее всего, уязвленная гордость затуманила разум лунного бога, и он не до конца осознавал последствия своих решений.

Аутримпс заревел от боли и воплотился в свою боевую ипостась — Змея, кольцом опоясывающего Мироздание. Море сошло с ума и разлилось вокруг, затопив почти весь смертный мир.

Змей ринулся в атаку, стремясь покарать наглеца. Мировое Древо опасно зашаталось. В отчаянии и растерянности Меникс схватил всю охапку молний, что у него остались, и швырнул ее в Аутримпса.

Дальнейшие события случились так быстро, что даже глаз бога не успел за ними уследить. Сначала неладное почуяли молнии — как бы хороша ни была личина Месяца, повелевать Небесным огнем не было частью его божественного «я». Потом забурлил Аутримпс — его природа была скорее от Тьмы, чем от Света, и даже сияние Свайкстикса-Солнца не проникает в морские глубины, что уж говорить об отблесках света. Поэтому небесные стрелы ударили вполсилы, вскользь — и отразились от блестящей чешуи Змея, отрикошетив в того, кто их бросил. Пораженный молниями, Месяц разлетелся на куски и упал за смертью во Тьму.

Почув неладное, Утренняя Заря растолкала Свет Творения, и тот появился на небосклоне задолго до положенного времени. Увидев, что случилось, он горько заплакал по погибшему сыну. Родители не должны хоронить своих детей, это нарушает ход вещей, особенно когда и дети, и родители — это воплощение высших природных сил. Слезы Свайкстикса падали в море, но Свет был так зол на Аутримпса, что эти слезы не опускались на дно, а всплывали на поверхность.

— Меня не было буквально полдня. Я правильно понимаю, что за это время у меня украли молнии, они уничтожили Меникса, а Аутримпс случайно затопил всю землю? Я сам, между прочим, еле успел сбросить шкуру смертного!

В зале, где собрались небожители, царило напряженное молчание.

— Я уверен, что отблеск Света невозможно убить навсегда, — сказал Аушаутс, небесный врачеватель. Бог-целитель пребывал в растерянности, у него за прошедшие сутки стало сильно меньше забот. Все смертные, кто мог нуждаться в его услугах, вымерли. — Патолс, ты дольше нас всех смотришь во Тьму — как думаешь, сможем ли мы найти в ней Месяц?

— Сможем, — глухо ответил Владыка Сокровенного царства. — Вопрос только — какой ценой.

Перкунас посмотрел ввысь. Солнце все еще плакало, покрывая мир своими золотыми слезами.

— Думаю, выбора у нас нет, — резюмировал Громовержец.

Патолс, Аушаутс и Аустра-Заря отправились в путешествие во Тьму. Во время своих поисков они смогли найти осколки божественного «я» Меникса. Затем бог врачевания и бог смерти провели над осколками Месяца особые ритуалы — и лунный бог ожил в темноте Сокровенного царства. Этот Меникс был совсем не похож на себя прежнего — его Свет был скорее призрачным отражением того Света, что он нес на небо раньше. Но даже этот изменившийся Месяц все еще был влюблен в Зарю, и эта любовь удержала его «я» от окончательного распада.

Наконец, решив, что Месяц достаточно окреп, боги помогли ему подняться на небосклон. Пару дюжин дней все шло хорошо, Меникс набирался сил и почти стал похож на себя до катастрофы. В какой-то момент он даже стал светить настолько сильно, что воды Аутримпса опять предупредительно поднялись, вспоминая былую ссору. Но у возродившегося Месяца уже не было такого запала и дерзости, что раньше, — посветив пару ночей в полную силу, он вновь стал затихать, а потом и вовсе на пару ночей ушел отдыхать во Тьму. Как говорят сегодня — выгорел. Впрочем, после короткого отдыха он вернулся и начал снова набирать силу — а после короткого зенита вновь устал и ушел.

Прогулки Месяца по небосклону стали нерегулярными, иногда он не поднимался в небо, даже если у него были силы. Впрочем, свою новую участь лунный бог принял со смирением — он говорил, что поплатился за глупость, и един-

ственное, что его волновало, — это что он хотя бы иногда может проводить время с любимой.

Понемногу все, включая Аутримпса, Аустру и самого Месяца, привыкли к новому порядку вещей. И лишь Свет Творения иногда украдкой плачет, когда видит, во что превратилась жизнь его прекрасного сына.

Мы до сих пор находим на земле золотые слезы Свайкстикса. Эти слезы все еще не тонут в морской воде, а если их поджечь — они на короткое мгновение вспыхнут, став искоркой Света. Мы зовем эти слезы янтарем.

НЕРИНГА, ИЛИ КАК ПОЯВИЛАСЬ КУРШСКАЯ КОСА

Море... Те, кто вырос на Балтике, знают, что море — это рыба, это янтарь, это прохлада в жаркий летний день, это жизнь. Но знают те, кто вырос на Балтике, и обратное, что море — это шторма, это опасные течения, это разрушение, это смерть. Море может быть и проклятием, и благословением — и кому об этом знать лучше, чем Неринге.

На берегу Балтики жило когда-то племя, чье название утонуло в веках. Известно лишь, что бог моря Аутримпс считал этих людей своими любимцами.

Народ этот был маленьким и небогатым — как, впрочем, и большинство народов в те времена, когда вопрос выживания людского рода все еще стоял довольно остро. Как и все жители побережья, это племя состояло из рыбаков и моряков, и в жилах у них текла кровь пополам с соленой водой. Окружали их поселение леса и болота, богатые пищей, — одним словом, на жизнь жаловаться не приходилось.

Однажды народ этот возглавил вождь-рикис, которого звали Карвайт. Карвайт был могучим воином, блистательным охотником и опытным моряком — Аутримпс радовался, когда видел среди своего любимого народа таких достойных людей. Но сердце Карвайта было не на месте — такому человеку, как он, тесно было быть вождем маленького племени.

Карвайт думал о том, чтобы сколотить дружину и отправиться в поход завоевывать чужие земли — но его племя

было слишком маленьким и слишком привыкло к тихой рыбацкой жизни. Даже немногочисленные витинги его племени больше интересовались рыбалкой и женовьей юбкой, чем походами. Тогда рикис стал мечтать о сыновьях, из которых он воспитает настоящих воинов, чтобы от одного только имени их дрожала округа.

Еще одна беда поджидала Карвайта — его жена Сиргуте¹ никак не могла забеременеть. Они перепробовали все известные средства — весьма, как вы догадываетесь, немногочисленные и малоэффективные, — но шли месяцы, а лунные циклы никак не оставляли женщину. Любовь рикиса к Сиргуте была так сильна, что брать других жен он не хотел — к удивлению своих подданных. В доме Карвайта, построенном из темных сосновых бревен, воцарилась печаль.

Однажды в лесу рикису встретился Лис. Лис племя Карвайта уважало, а этот оказался еще и говорящим — явно любимчик Лесного хозяина, Пушкайтиса.

— О чем печалишься, вождь? — спросил Лис.

— Хочу сыновей, наследников, но моя жена не может мне их дать, — горько ответил Карвайт. Представить, что проблема может быть в нем, рикис, как и любой мужчина того времени, разумеется, не мог.

— Неужели Лайма остается глуха к вашим молитвам? Это не похоже на Благоую, — удивленно спросил Лис.

Вождь нахмурился и сказал:

— Мы — народ Аутримпса, обычно он слушает наши молитвы.

— Ну и кого тогда выносит тебе жена? Угря? — Лис противно засмеялся и убежал в лес. Его хихиканье долго отдавалось эхом в лесу.

¹ Здесь и далее — примечания автора: настоящее имя жены Карвайта до нас не дошло, что много говорит о роли женщины в древнепрусском обществе.

Вождь еще глубже погрузился в раздумья и шел, не разбирая пути, — что вообще-то не пристало такому опытному охотнику. Из размышлений его вывел шум — на поляну, где он оказался, вышел огромный белоснежный олень. Карвайт никогда не видел таких зверей, он был больше похож на духа, чем на животное.

Вождь оленю не понравился, зверь прижал уши, низко опустил голову, демонстрируя огромные рога, и стал фырчать. Карвайта поведение зверя удивило — сейчас был не сезон гона, и олень должен был просто убежать, увидев угрозу. Мужчина стал понемногу отступать, но было слишком поздно — рогач ринулся в атаку.

Рикис увернулся от рогов, отскочил в сторону, выхватил нож — и сумел пырнуть оленя, когда тот пытался толкнуть его, навалившись всем телом. Умирая, зверь повалил Карвайта на землю, и горячая кровь залила мужчину.

Поняв, что угроза миновала, вождь радостно засмеялся, и смех его покачнул сосновые кроны. Решение созрело в голове Карвайта — такой роскошный зверь стал бы отличной жертвой для Лаймы.

Вождь взвалил тушу оленя себе на плечи и пошел в сторону дома. На окраине поселения он встал перед липой, которую знахарки посадили для того, чтобы готовить лекарства, и свалил тушу на землю.

— Лайма, мать счастья, восхваляю тебя и приношу в жертву этого царственного оленя. Прошу, подари нам сыновей, наследников — могучих великанов, чтобы стали моей дружиной!

Тут надо сказать, что Лайма, конечно, не была злой или коварной, и она не хотела сеять раздор между Аутримпсом и его народом. Но боги в те времена были не способны отказаться от новых последователей, ведь каждая новая жертва, каждое новое святилище расширяли их божественное «я». Конкуренция среди богов была высока, и Лайма, которую славили еще со времен, когда на земле царил матриархат,

любила купаться в людском внимании. Поэтому в ответ на мольбу вождя из леса раздалось кукованье — священная птица богини подтвердила, что жертва принята.

Но счастье Карвайта было недолгим — внезапно с моря поднялся сильный ветер, горизонт сокрыли тучи, и волны стали все сильнее биться о берег. Аутримпс тоже не был злым богом, богов вообще нельзя охарактеризовать как однозначно злых или добрых. Но что точно не понравится ни одному богу — это когда его тыкают в то, что ему не по силам. Бог морей при всем желании не мог послать женщине ребенка — разве что морского оборотня, но такого точно ни один здравомыслящий человек не захотел бы.

Аутримпс, который многие поколения заботился о том, чтобы у народа Карвайта всегда была рыба и чтобы шторма не погубили никого из рыбаков, не мог поверить, что племя¹ могло пойти на предательство из-за такой мелочи. Поэтому Повелитель пучин выбрал самую грозную свою форму и решил поговорить с рикисом.

Не успели моряки, напуганные внезапным штормом, вытащить свои лодки на берег, как на горизонте возникло что-то гораздо более страшное, чем волны и ветер. Заворочалось под покрывалом морской глади огромное тело, мелькнули над водами покрытые черной чешуей бока — из моря поднимался Змей.

Карвайт при всей своей гордыне был хорошим вождем и заботился о подданных. Он понимал, что должен ответить перед Аутримпсом за свой поступок. Рикис вышел к берегу и закричал:

¹ В те времена вожди представляли весь свой народ перед лицом богов и были для небожителей тождественны своему народу. Сейчас это, к счастью, уже давно не так.

— Владыка, не гневайся! Я не хотел тебя оскорблять, но мне нужен сын! Нужен, понимаешь?! Наш народ вымирает в неизвестности, еще пара поколений — и все, помнись о нас будут только море да ветер! Мы с сыновьями сможем расширить наши владения и укрепить нашу славу! И тогда мы построим тебе храм, хочешь? Самый большой во всей Ульмигании!

Крики чаек, буйство волн и ветра слились в ответ божества:

— Отдашь мне.

— Что я должен тебе отдать, Владыка?

— Сына. Первого.

— Но как?! Я же ради этого и обратился к Лайме — чтобы у меня появился сын!

— Остальные — твои. Первый — мой.

— Но Владыка...

Порыв налетевшего ветра был так силен, что едва не сбил Карвайта с ног.

— Не спорь. Смою.

— Хорошо, Владыка. Принимаю твою волю.

Волны успокоились, ветер утих, даже чайки замолчали — Аутримпс ушел, довольный тем, что нашел такой удачный компромисс. Он не хотел губить свой любимый народ, и ему не то чтобы очень нужен был человеческий младенец во дворце — но и оставлять проступок безнаказанным морской Владыка не мог.

В наступившей тишине стал слышен другой звук — горький плач Сиргуте, осознавшей, что ей придется подарить морю своего первенца.

Народ, живший неподалеку от земель Карвайта, верил, что в первые мгновения жизни к новорожденному приходят Лайма и ее теневая сестра Гильтине. Вместе богини решают, какой будет судьба появившегося на свет человека. Неизвестно, приходили ли богини к Сиргуте, — возможно, и хотели, но не смогли протиснуться.

В ту ночь дом из сосновых бревен приковал к себе внимание многих любопытных небожителей. По-настоящему интересные события в те времена случались редко, поэтому очень многие бессмертные обратили свой взор к жилищу Карвайта, чтобы узнать, чем закончится противостояние Лаймы и Аутримпса.

Рикис не находил себе места, внутри него бурлил яд переживаний — он боялся за жену и сына, предвкушал рождение своей дружины, надеялся, что Аутримпс простит ему обиду и не потребует жертву, и гневался на Лайму-Судьбу, которая поставила его в такое сложное положение.

Сиргуте отчаянно кричала. Князь слышал много криков рожениц, но такой боли и страха не чувствовал в них никогда. Он еще раз подумал, что правильно решил послать к вайделотам за повитухами — если роды идут так тяжело, то никто лучше жреческих учениц не справится.

В волнении рикис потянулся за медовухой, выпил кружку залпом — но не почувствовал ни малейшего опьянения. Наконец, из бревенчатого дома вышла повитуха. Она несла в руках завернутого младенца — и явно держала его из последних сил.

— Это девочка, рикис.

— Девочка? Девочка?!

Кинув короткий взгляд на визжащего младенца, вождь зашел в дом и посмотрел на тяжело дышащую жену.

— Карвайт, у нее кровотечение! Не мешай!

— Это девочка, — тихо сказал своей жене.

— Я родила дочку, — с улыбкой ответила Сиргуте. — Дочку, — повторила она и глубоко выдохнула. Глаза женщины закрылись.

— Рикис, твоя жена умерла. Она потеряла слишком много крови, Лайма не уберегла. Мы будем готовить погребальный костер, ты должен...

Карвайт не дослушал, он выскочил из дома, миновал смущенных подданных и вышел на берег моря. Не раздеваясь, по колено зашел в воду и прокричал:

— Ты доволен?! Моя жена мертва! Умерла, рожая первенца! *Твоего* первенца! Дочь! Да что вы, боги, вообще знаете?! Это девочка!

На берег спустился белоснежный лебедь — самая мирная ипостась Аутримпса — и сказал:

— Не гневайся, рикис, я здесь ни при чем. И Лайма ни при чем. Волшебные дети — это всегда сложно, никогда не знаешь, чем обернется, когда божественная воля прорастает в лоне человеческой женщины. Я вижу, что тебя обуревают горе, знаю, как ты любил свою жену. Удачно сложилось, что у тебя родилась дочь. Вместо того чтобы отнимать ее жизнь, я лучше возьму ее замуж. Ты же хотел славы? Что может быть славнее для смертного, чем породниться с богами?

Карвайт посмотрел на Повелителя пучин невидящим взглядом.

— А что до дружины своей — возьми еще жен, нарожают тебе сыновей. Мы проследим, чтобы теперь все точно было хорошо.

— Я принесу тебе в жертву оленя. Да что там, быка принесу, Безграничный! Будем славить тебя, пока тебе не надоест!

Рикис вышел из воды и ушел, не оглядываясь. Белый лебедь медленно растаял в тумане, так и не поняв, было ли в словах Карвайта богохульство.

Чем хорошо людская память — так это тем, что со временем из нее многое стирается. Конечно, Карвайт не забыл любимую Сиргуте — но в ежедневной суете скорбь о ней поухля. Кроме того, следуя совету морского бога, рикис взял себе новых жен, на всякий случай сразу трех. Жены нарожали ему долгожданных наследников.

Радовала отца и дочка, которую назвали Нерингой. Девочка была крепкой и уже к десяти годам обошла ростом всех жителей деревни — как будто сила всей дружины, о которой молился рикис, воплотились в одной-единственной дочери. Вырастая без матери, девочка умудрилась не замкнуться в себе — наоборот, она была очень открыта людям и охотно помогала им. Например, если телега застряла в болотистой земле — Неринга с легкостью ее вытаскивала, если лодка потерялась в море в грозовую ночь — девочка плыла к ней и без труда приводила к берегу. Многие понимали, что к Неринге благосклонно относятся боги, но помалкивали. Историю чудесного зачатия девочке тоже не рассказывали — Карвайт взял с подданных клятву.

Наконец, настал день, которого так боялся рикис, — Неринга стала девицей на выданье. Карвайт, конечно, не забыл о своем обещании Владыке пучин — но многочисленные сыновья не радовали вожда. Все они выросли ленивыми, избалованными, заботящимися только о себе. Становилось понятно, что, когда они подрастут, волновать их будут только пиво да девки, а никак не воинская слава. С такой дружиной не то что Ульмиганию — соседний лес у зайцев не отвоюешь.

Последней надеждой Карвайта был зять. Если выдать Нерингу за княжича соседнего народа, за какого-нибудь молодого энергичного парня, — то вместе они смогли бы стать правителями могучей державы, и внуки Карвайта будут править всеми землями от Вислы до Немана. Но как сделать

так, чтобы выдать дочь за княжича — и не прогневать при этом Аутримпса? Бог далеко, может, и забыл уже об их договоренности, а политический альянс с уважаемой семьей — это всегда хорошая идея...

Всегда, когда рикис пребывал в раздумьях, он шел в лес. Стояла поздняя осень, опавшая листва покрывала мох золотым ковром, ветер с моря качал кроны сосен в недосягаемой вышине. Мир поглотила глухая ватная тишина.

Карвайт прислонился к стволу дерева, закрыл глаза и вдохнул пахнувший мокрой землей воздух. Когда вождь открыл глаза, перед ним сидел старый знакомец Лис.

— Опять ты, рикис, в тяжелых раздумьях. О чем грустишь в этот раз?

— О том, как выбраться из ловушки, которую ты мне в прошлый раз подстроил!

— Рикис, твой рассудок помутился. Разве давал я тебе хоть один совет?

— Конечно, кто рекомендовал мне принести жертву Лайме в обход Аутримпса?

— Я тебе никогда этого не советовал — ты сам так решил. Я Лис, лисьи советы хитры. А завалить оленя и принести его в жертву — это, уж извини, довольно прямолинейно.

— Хорошо, тогда дай мне свой мудрый совет — как мне теперь быть?

— Устрой турнир в честь Пуссизеймы, Самой длинной ночи! Созови витингов со всего Островного царства, пейте мед, соревнуйтесь в воинской доблести и славьте Безграничного — и тогда, может, он смилостивится и оставит тебе твою дочь!

— Спасибо тебе, Лис, это правда отличная идея. Поблагодари от меня Лесного хозяина.

— Поблагодарю, не переживай! Он порадуется, — сказал Лис и скрылся в чаще.

Разумеется, рикис подумал, что турнир — это отличный способ не просто восславить Владыку пучин, но и найти самого подходящего мужа для Неринги. Догадывался ли Лис о том, что Карвайт так подумает? Этого мы никогда не узнаем, лисьи мысли скрыты мраком более темным, чем самые отчаянные бездны царства Патолса.

Те времена, как мы уже говорили, были довольно скучными, поэтому любые необычные новости разносились далеко. О дочери рикиса, девице-богатырке, говорили от побережья до восточных болот. К тому же урожай давно собрали, больших войн не было, и витинги откровенно скучали. Когда князь объявил турнир в честь Повелителя пучин, в маленьком поселении у моря собрались чуть ли не все воины Ульмигании.

Встречать в качестве хозяина такое количество знатных и воинственных мужчин — это, конечно, сплошное разорение. Но Карвайт не печалился, даже глядя на пустеющие склады, — его мечта о могучей державе воплощалась в жизнь.

Разумеется, перед началом любого большого дела было необходимо испросить благословения богов — но кого спрашивать? Аутримпс вряд ли воспротивится турниру в свою честь, а просить Перкунаса или других небожителей, помня об инциденте с Лаймой, Карвайт не решился. Ему нужно было, чтобы Владыка пучин был максимально доволен, он-то близко, а остальные далеко.

Поэтому сначала путтон, жрец моря, принес обильные дары Аутримпсу. Потом, когда Владыка пучин, по словам жреца, явил свою благосклонность, был дан старт турнира. Состязались во всех прусских воинских ремеслах: стрельбе из лука, беге по холмам, метании копья и борьбе. Такие турниры обычно проводились летом, а не зимой, поэтому Кар-

вайт хотел было отменить традиционные соревнования по плаванию в доспехе, но самбийцы воспротивились, сказав, что отменить плавание на турнире, посвященном Аутримпсу, — это богохульство. Поэтому самые отважные бойцы вызвались устроить заплыв в море.

Сыновья князя не сказать чтобы избегали празднеств, но и вперед особо не рвались. С горечью смотрел на них Карвайт, думая о том, как непостижима бывает судьба. А вот Неринга, в отличие от братьев, активно участвовала в торжествах. Мужчины, понятно, не желали соревноваться с девицей, но в групповых забавах ей не было равных. Рикис увидел, как Неринга с одноплеменцами играючи перетягивает канат, который с другой стороны тащили лучшие воины ятвягов.

— Папа, смотри, как я могу! — захлебывалась хохотом девушка, мasha Карвайту рукой.

«Столько жизни, столько радости — и отправить на морское дно повелевать кильками и селедками? Не могу я так поступить, это противоречит ходу вещей!»

Реки меда были выпиты, вся дичь из ближайших окрестных лесов была съедена — турнир, наконец, подходил к концу. В лидеры явно выбивался Наглис, княжич из Жемайтии. Был он красивый, умный и при этом сильный, опытный воин — одним словом, было в нем все то, чего Карвайту не хватало в собственных сыновьях.

Вечером, перед награждением победителей, Неринга подошла к отцу и сказала:

— Папа, мы с Наглисом нравимся друг другу. Мы можем часами соревноваться — он единственный, кто мне не уступает! А потом часами разговаривать — он знает столько историй! Но при этом и меня тоже слушает, не то что наши дураки! Пап, как думаешь, нам можно будет когда-нибудь пожениться? Я знаю, так не принято, но...

Князь нахмурился для вида, но внутри него все пело от радости — обстоятельства складывались наилучшим об-

разом. Теперь главное — уговорить Владыку пучин, чтобы он принял турнир как искупление и не забирал Нерингу к себе. С таким приемным сыном, как Наглис, можно не переживать, что народ Карвайта пропадет в беславии.

— Хорошо, дочь, я подумаю. Ступай!

Когда довольная девушка ушла, из темноты выступила фигура жреца.

— Ты опять вздумал гневить Аутримпса, князь? Забыл, что обещал свою дочь ему в жены?

— Я все помню, путтон. Но надеюсь, что Владыка смилостивится над девочкой, она совсем молодая, ничего не видела — куда ей в подводное царство?!

— Гнев Аутримпса будет страшен, когда он узнает, что ты его обманул.

— Мы однажды договорились, уверен, договоримся и в этот раз.

Покачивая головой, жрец ушел назад в темноту.

Наконец, наступил день перед Самой длинной ночью. За ночь упала изморозь, которая сковывала траву, когда была в тени, но таяла, когда на нее попадало солнце. От этого вся земля блестела и переливалась огнями, словно радуясь празднику.

Поселение гудело с раннего утра — все ждали, кого назовут победителем турнира. Кроме Наглиса на это звание претендовали еще несколько молодых витингов. Карвайт вышел к толпе и сказал:

— За эти дни мы наблюдали много проявлений воинской доблести. Много достойных мужей показали себя, и настало время выбрать победителя — во славу Аутримпса! Я объявляю последнее испытание, традиционное для наших мест — кто дальше кинет камень в море, тот и победил!

Князь выбрал это соревнование специально — жемайты были известными пращниками, и Наглис наверняка обойдет всех конкурентов. Но остальные витинги не сдавались и выстроились на утесе перед морем.

— До своего замка, пожалуй, не докину, но постараюсь, — улыбаясь, сказал княжич, чьи земли лежали на другом берегу залива.

Наконец, все взяли свои камни — примерно одинаковые по размеру, но выкрашенные в разные цвета. По команде участники метнули свои булыжники, и камень Наглиса действительно улетел дальше других. Люди обрадовались было победе княжича, но вдруг небо над морем потемнело.

— Я слышал, здесь соревнуются воины, — раздалось в волнах, и в ветре, и в крике чаек.

— Да, Аутримпс, этот турнир в твою честь! — крикнул Карвайт, готовившийся к такому исходу событий.

— В мою честь — или за руку моей нареченной?

— Владыка, услышь меня...

— Я тоже хочу поучаствовать. Вот мой камень.

На горизонте поднялась большая волна и вышвырнула на берег огромный кусок скалы, который запросто мог бы уничтожить все поселение Карвайта.

— Смотрите, как я могу.

Другая волна подняла камень — и ударила его о берег. Камень разлетелся на мелкие кусочки, ранив всех, кто не успел убежать, а прибрежная дюна сползла к морю.

— Папа, это правда? Я была обещана ему?

— Да, дочка. Это была плата за то, что боги подарили нам тебя.

— Папа, не надо, я пойду. Он всех здесь погубит.

— Дочка, нет!

Но поздно — Неринга сбежала к морю.

— Владыка, прошу тебя, пожалей этих людей. Я здесь, я готова, возьми меня в свое царство!

— Ты моя по праву, тебя я возьму так или иначе. Но за то, что твой отец опять пытался меня обмануть, я возьму что-нибудь еще. Отец хотел отдать тебя за княжича из Жемайтии? Ну так будет он князем без княжества — я смою всю его землю!

И разразился страшный шторм. Неринга взяла Наглиса, изрядно ошарашенного происходящим, за рукав и сказала:

— Мы должны защитить твоё царство! У меня есть идея. Власть Аутримпса распространяется над морем — но своим родичем Потримпсом он не может повелевать!

Неринга взяла самую большую телегу, которую смогла найти, и стала грузить в нее песок с осыпавшегося утеса — руками, зачерпывая песок в передник. Многие гости турнира поскорее покинули провинившуюся перед богами деревню, но некоторые, выйдя из оцепенения, стали помогать дочери рикиса. Неринга взяла телегу — и высыпала песок из нее в море. Наглис притащил вторую телегу — и высыпал ее содержимое поверх песка из первой. Постепенно стала формироваться узкая дорожка, которую не мог смыть даже лютый шторм.

Шторм бушевал тринадцать дней, но Неринга и остальные работали без усталости — почти без сна, еды и питья, в своей отчаянной попытке бороться с неизбежным. Конечно, будь Неринга обычной девочкой, у нее ничего бы не получилось — но в ее жилах, как и у всех посланных богами детей, текла небольшая доля крови бессмертных. К тому же некоторые небожители, наблюдавшие за турниром, тоже с радостью воспользовались возможностью уязвить могучего Владыку пучин. Но самое главное, что предредило исход ситуации, — это надежда. Надежда отчаявшегося человека на то, что он сможет победить обстоятельства. Эта надежда стала основой, лучше любого цемента скрепившей песок, который Неринга и ее люди сыпали в море.

В итоге у них получилось создать из песка узкую полосу суши, где едва могли разойтись два человека. Но этого хва-

тило — новая коса протянулась от Самбийского полуострова до устья Немана, отрезая от царства Аутримпса часть владений. Залив — это уже не море, поэтому божественное «я» Повелителя пучин уже на него не распространялось.

Земля Наглиса была спасена, и на радостях он взял в жены Нерингу — прямо там, в пыли и грязи свежееобразованной косы. Мечтам Карвайта о великой славе, впрочем, было не суждено сбыться — Наглис был так счастлив с женой, а потом и с детьми, что дальним странствиям и воинским походам предпочел оставаться дома и наводить там порядок. Жемайтия, которая и раньше была не последней землей, достигла своего наивысшего расцвета. Некоторых это могло бы привести на мысли, что войны — не самый эффективный способ достижения благоденствия.

Народ Карвайта тем временем вынужден был тащить на себе последствия разрыва с Аутримпсом. Стоило им оказаться за пределами залива, как поднималась страшная буря. Разумеется, рыбаками и моряками они больше быть не могли, поэтому со временем отправились вглубь Островного царства в поисках лучшей жизни. В итоге племя растворилось в других народах Ульмигании — опасения Карвайта стали самоисполняющимся пророчеством. Память Морского владыки, впрочем, оказалась лучше памяти людей — потомки этого племени до сих пор не могут выйти в открытое море. Стоит тем, в чьих жилах течет кровь подданных Карвайта, оказаться рядом с соленой водой — погода сразу портится, злой ветер налетает со всех сторон, а чайки так и норовят ухватить бедняг за нос. Может быть, вы даже видели таких людей, когда прогуливались по набережной.

А что Аутримпс? Разумеется, до сих пор ненавидит косу Неринги и стремится стереть ее с лица земли. В какой-то момент у него это даже почти получилось, но люди придумали очередную уловку, и коса стоит сейчас крепче, чем когда-либо.

В последние десятилетия планета стала меняться, и некоторые говорят, что владения Аутримпса начали расширяться. Возможно, еще пара десятилетий — мгновения для бога — и коса скроется в пучинах, возвращая морскому Владыке потерянную часть его царства. Но люди хитрые, наверняка и в этот раз что-нибудь придумают.

ПИЛЛА, ИЛИ КАК ПОЯВИЛАСЬ БАЛТИЙСКАЯ КОСА

Эта история стара как мир — мужчина полюбил женщину, и та ответила ему взаимностью. Но прежде чем искушенный читатель фыркнет и перевернет страницу, я, может быть, успею сказать, что история эта — не о любви. Точнее, не совсем о любви.

У Владыки морей Аутримпса было много детей, что неудивительно, ведь вода — это жизнь. Одну из дочерей Повелителя пучин звали Пилла, и обладала она редкой даже для морской девы красотой. Любовались ли вы когда-нибудь тихими, почти неподвижными водами Балтики на закате? Вот именно такой красивой была Пилла — дух захватывает.

К тому времени люди уже так давно жили на земле, что многие дузии-духи и даже некоторые боги помоложе и не знали времен, когда смертных не было рядом. Более того, у некоторых бессмертных вошло в моду иногда воплощаться в человеческое тело — ходили слухи, что так когда-то развлекался Перкунас, но потом это почему-то стало неприлично. Разумеется, молодежь не могла не полюбить запретное развлечение.

Материализовываться у всех выходило по-разному, тут требовалось большое мастерство — представьте себе, поместить эманацию Творения в смертную плоть?! Но у Пиллы получалось — она была не только красивая, но и очень та-

лантливая. Лучше всего ей удавалось материализовать волосы, всем нравилось. Сама она этими волосами, конечно, гордилась, но, как бывает свойственно многим отличницам, именно ими чаще всего была и недовольна. Однажды Пилла играла волнами с солнечными зайчиками — она дружила с этой дузией, чье «я» было бликами и зеркальными поверхностями. Подружка предположила, что, может быть, Пилла так недовольна своими человеческими волосами потому, что воплощается под водой, — а человеческое тело все-таки не очень приспособлено для того, чтобы жить на морском дне. Возможно, на воздухе, под светом Свайкстикса, волосы получится распустить во всей красе?

Пилла никогда особо не интересовалась жизнью на поверхности и людской облик носила скорее просто из-за моды. Поэтому ей и в голову не могло прийти, что материальное тело может по-разному себя вести над водой и под водой. Потратив несколько дней на раздумья, морская дева решила попробовать выйти из моря в человеческом теле.

На берегу царило холодное безмолвие — недавно с севера пришел мороз, редкий гость этих краев. Ковер снега укрыл пляж, белый снег смешался с белым песком. Похрустывающий зимний воздух не беспокоили почти никакие звуки — только шелестел под ледяной коркой прибой.

Пилла медленно, не желая беспокоить сестер, поднялась из воды. Конечно, девушка не знала о том, что людям бывает нужна одежда — впрочем, ее тело было скорее очень хорошим наваждением, чем реальным биологическим организмом, поэтому холода она не чувствовала. Осторожно ступая по снегу босыми ногами, она подождала, пока с тела стечет вода, — и принялась расчесывать волосы большим гребнем. На воздухе волосы действительно выглядели совсем иначе, и Пилла поразились тому, как интересно все-таки устроено Мироздание и как велик замысел Творца.

Морская дева очень увлеклась, поэтому не заметила, что больше была не одна на берегу.

— Девушка, ты же сейчас околеешь! Что с тобой случилось? — раздался вдруг за ее спиной мужской голос.

Пилла вздрогнула и обернулась.

— Меня зовут Эльби, я сын рикиса этих земель. Возьми скорее мой плащ! — продолжил мужчина.

Морская дева никогда раньше не видела людей, поэтому не знала, все ли они так выглядят, но этот был хорош собой — высокий, статный, волосы цвета морского песка, глаза цвета летнего моря. Она внимательно рассматривала незнакомца.

— Что же ты молчишь? Ай, ты, видимо, уже не в сознании!

Мужчина снял плащ, накинул его на девушку, а потом поднял ее с земли, пытаясь укутать ноги. Пилла испугалась, завопила — и инстинктивно сбросила людской облик. Незнакомца окатило морской водой, а потом откуда-то налетели чайки и принялись орать над его головой. Мужчина удивленно осмотрелся, а потом поспешил к лагерю — если продолжить стоять мокрым на морозе, то можно сразу собираться в царство Патолса.

Первый визит Пиллы на поверхность не задался.

Конечно же, они не влюбились друг в друга с первого взгляда. После инцидента на пляже Эльби простудился — но, слава Аушаутсу-врачевателю, не смертельно. А Пилла никак не могла избавиться от нового неприятного ощущения, которое вызвал в ней княжич. Бессмертные не знают страха, потому что любой страх — это страх смерти, а богам и духам смерти не полагалось. Но Пилла была в человеческом теле, и даже этой зыбкой имитации хватило, чтобы испытать страх — жгучий, липкий, заставляющий опустить руки.

Одним словом, обид у молодых людей друг на друга было много.

Но и забыть они друг про друга не могли. Эльби никогда не видел таких девушек, как Пилла, — чистых, с целыми зубами, перламутровыми ногтями и роскошными иссиня-черными волосами. Пилла в принципе не видела других людей, но в Эльби было что-то, чего не было в других представителях морского народа, и это что-то привлекало девушку.

Казалось бы, что и у сына рикиса, и у дочери Аутримпса должно быть много забот, и другим ярким событиям полагалось бы вытеснить их встречу из памяти — но этого так и не случилось. Поэтому Эльби все чаще замечал за собой, что во время охоты нет-нет да и приедет к тому месту, где встретил морскую деву, а Пилла нет-нет да посматривала на гребень, которым расчесывала тогда волосы.

Однажды Пилла прогуливалась с отцом по Краю Света — они любили эти совместные прогулки, когда можно аккуратно полюбоваться Тьмой, что за Гранью.

— Ты знаешь, что происходит с людьми после смерти? — спросила, наконец, девушка у Морского владыки. — Ты же уже был тогда, в первые моменты Творения?

— Я был, а вот людей как раз не было. Они появились позже, и замысел Творца на их счет мне неизвестен. Мы с родственниками много обсуждали это тогда, но в итоге ни к чему не пришли. Возможно, Патолс знает больше, но он, сама понимаешь, предпочитает все держать при себе.

— А с нами? Что происходит после смерти с такими, как мы?

— Ты же знаешь, что мы — часть Мироздания. Пока стоит Древо, мы тоже будем здесь.

— Да, но что, если море высохнет? Ты исчезнешь? Или если, например, задохнут все леса? Пушкайтис умрет? Если погаснет Горячий Вечный Свет?

— Кажется, ты слишком много времени проводишь в человеческом облике, — удивленно посмотрел на дочь Аутримпс. — Такие мысли приходят в голову только людям. Всему остальному Мирозданию достаточно просто *быть*.

На морской глади поднялась волна — и убежала куда-то в сторону далекой земли. Ветер, волны и шум воды, исчезающей за Гранью, слились в звонкий смех Повелителя пучин.

— А если моего «быть» мне больше недостаточно?

— Значит, ты меняешься. Перемены — это естественный ход вещей, часть нашей природы, наследуемой от Хаоса, из которого когда-то мы вышли. Я когда-то тоже был совсем другим — опоясывал собой всю Ульмиганию! Потримпс еще был частью меня, поэтому даже имя у меня тогда было другое, просто Тримпс, эх...

Но Пилле было совершенно неинтересно слушать, как отец предается своим стариковским воспоминаниям. Ее гораздо больше впечатлил концепт, что даже такие, как она, могут меняться. Она была собой с того момента, как отделилась от отца, и раньше ей просто не приходило в голову, что ее «я» — это не константа.

Проведя несколько дней в раздумьях, Пилла вновь решилась выйти на берег.

У Эльби это время тоже выдалось довольно насыщенным — но, увы, вместо раздумий о смысле существования ему пришлось решать гораздо более приземленные задачи. Источником проблем, как всегда, был младший брат Эльби — Фриски. Эльби любил брата, но совсем его не понимал. Тот не интересовался ничем, кроме женщин и охоты. Будь он простым витингом — к нему не было бы никаких вопросов, но он был сыном рикиса, а значит, ему положено было вовлекаться в управление землями отца — однажды часть этих владений, звавшихся Помезанией, перейдет к нему. Брат явно тяготился своим положением, ему было совершенно неинтересно заниматься, например, распределением податей или решением споров, да и военным делом он не увлекался. Вместо этого он с парой близких дру-

зей скрывался в лесах, их охотничьи путешествия могли длиться несколько дней. Последней авантюрой Фриски стал роман с Жямайте¹, дочкой рикиса соседних земель, Вармии. Между отцами Жямайте и Фриски тлела давняя вражда, периодически превращающаяся в стычки на границе земель. Влюбленные, познакомившиеся, видимо, на охоте, сбежали куда-то в сторону Самбии — и скрылись от отцовского гнева.

Эльби, как мог, пытался успокоить отца, взял на себя часть его забот, чтобы тот мог посвятить больше времени поискам.

Однажды вечером отец вернулся, зашел в их дом и сказал:

— Хватит, я от него натерпелся. Я отрекаюсь от Фриски, ты у меня теперь единственный сын и наследник. Завтра объявлю об этом перед подданными, возьми себе бабу в жены, или даже парочку, если есть кто на примете, — и займись уже продолжением рода. Я не молодею, а все эти переживания отправят меня во Тьму еще раньше.

Эльби огорошили слова отца — он, конечно, понимал, что власть рано или поздно перейдет к нему, но теперь ответственность стала совсем реальной. Хороший правитель живет не для себя, а для своих подданных. Неужели все, что осталось княжичу, — это взять в жены какую-нибудь девку покраше, настрогать сыновей и всю жизнь потом решать чужие проблемы?

Кажется, Фриски все-таки был сообразительнее старшего брата — и понял это сильно раньше. Поэтому и сбежал.

Эльби сел на коня и отправился в ночной лес. Пергрубис в этом году пришел рано, и земля пробуждалась ото сна — поэтому даже в этот поздний час лес был полон жизни. По-

¹ Опять, как в случае с большинством женских имен, это имя я придумал. А вот имя Пиллы до нас дошло — все-таки морская дева.

что полная луна заливала чашу серебряным светом, ярким, как пламя костра, — но княжича занимали тяжелые думы, и он совсем не любовался моментом. Как часто бывает с людьми, парень дал неслучившемуся будущему больше власти, чем настоящему.

Если вы еще не догадываетесь, куда княжич приехал пострадать, — значит, вы уже забыли, что такое быть молодым. Разумеется, Эльби оказался на том пляже, где встретил когда-то морскую деву. Он вышел на берег, развел костер, расстелил плащ, лег и невидящим взглядом уставился в звездное небо.

— Это паникс? — раздался в темноте женский голос.

— Паникс жгут только в священных дубравах. Это просто огонь.

— Перкунас или Айтварас?

— Обычный. Земной. Смотри.

Эльби взял огниво и высек пару искр.

— Красиво! Я никогда не видела такого огня.

Пилла — а это, конечно же, была она — вышла из темноты и подошла к костру.

— Ты морская дева, да? Одна из дочерей Аутримпса.

— Как ты узнал?

— Очень мало кто умеет обращаться в воду. А у вас это наверняка семейное.

— Ты смешной!

Они помолчали.

— Я не думал, что когда-нибудь снова увижу тебя. Но надеялся!

— Я тоже не думала, что когда-нибудь снова выйду на берег. Но мой отец сказал, что перемены — это естественный ход вещей.

— Мне иногда хочется, чтобы все оставалось так, как есть.

— Но тогда ты бы никогда не познакомился со мной!

Она засмеялась легким беззаботным смехом, каким могут смеяться только бессмертные, — и звонко поцеловала его в щеку.

Теплая весенняя ночь на какое-то время стала еще теплее.

Если вы вспомните свою первую счастливую влюбленность, вы поймете, что время для Эльби пронеслось мгновенно. Расцвела весна, сгорело лето, понемногу уже подкрадывалась осень — по утрам и вечерам туман все чаще стелился по земле, солнце все слабее грело утомленную зноем землю. В Ульмигании царила пора, которую называют бабьим летом, — когда все понимают, что вот-вот придут холода, но это «вот-вот» никак не настает, и земля кажется осколком царства богов.

Эльби был ответственным молодым человеком, поэтому полностью от обязанностей не сбежал — тем более что отец большую часть времени проводил в разъездах, контролируя сбор урожая. Но, конечно, в первую же свободную минуту наследник рикиса мчался к морю.

Им с Пиллой было интересно друг с другом — как двум детям из хороших семей, принадлежащим к очень разным мирам. Их влюбленность была нежной и во многом походила на дружбу. Они вместе открывали мир — и в то же время узнавали очень много нового о себе самих.

К сожалению, в отличие от блаженного царства богов, на земле счастье зачастую скоротечно — так уж устроены люди, что всегда и везде спешат. Фриски с новой женой, как все и предполагали, не смогли жить в бедности и неизвестности и в итоге вернулись ко двору отца Жямайте, рикиса Вармии. Тот хотел было воспользоваться этим поводом, чтобы получить у соседа кусок земли, который должен был унаследовать Фриски, но узнал, что рикис отрекся от сына. Разъ-

яренный, он собрал своих витингов и отправился в поход, чтобы забрать земли силой.

Отец Эльби и Фриски, конечно, был готов к тому, что давний неприятель попробует на него напасть, — поэтому он велел старшему сыну собираться в поход. И если раньше война казалась Эльби увлекательным делом, то теперь, когда он познакомился с Пиллой, ему вовсе не улыбалась возможность умереть — навестить его в царстве мертвых не смогла бы даже дочка Аутримпса.

— Отчего ты грустишь, дорогой? — спросила у княжича морская дева, когда он пришел с ней попрощаться.

— Я завтра ухожу на войну.

— Войну? Я слышала, что война — это очень плохо!

— Главное, что я могу больше никогда не увидеть тебя!

— Тебе обязательно уходить на войну? Я могу попросить дядю Перкунаса, он...

— Враг приближается к нашим землям. Самое грустное, что с ним мой брат Фриски. Он... Наверное, он очень обижен. Но это не искупляет того, что он теперь на стороне врагов отца.

— Я не понимаю, что такое «враг». Объяснишь?

Они говорили до рассвета, и Пилла узнала про людей очень много неприглядного. А на рассвете Эльби покинул ее и ушел на войну — конечно, не спать перед походом неразумно, но что знают о разуме молодые и влюбленные?

Наконец, состоялась битва. Несмотря на все просьбы Пиллы, Громовержец не захотел или не смог помочь Эльби — армия Помезании оказалась повержена. К счастью, и сам Эльби, и его отец-рикис выжили — но враг взял их городище в осаду.

— Какой позор, какой страшный позор! — ревел отец братьев. — Мало того, что этот старый ублюдок поверг меня в бою, так еще и мой собственный сын на его стороне! Видимо, я плохой воин и недостойный человек — мне лучше войти в священный огонь, чтобы очиститься

перед богами и хотя бы в следующей жизни искупить вину!

— Отец, ты великий воин и великий правитель, просто в тебе говорит горе. Мы сейчас соберемся с силами — и дадим отпор!

В дом вошел один из дружинников.

— Рикис вармов прислал переговорщика с требованиями.

— Зови, послушаем, чего хочет это отродье.

Требования свата оказались предсказуемыми — он хотел, чтобы отец отдал Фриски в наследство часть земель, где молодые смогут поставить дом и завести семью. Но, к сожалению, решить эту проблему было довольно сложно — несмотря на то что Помезания была довольно большой, пригодной для жизни земли в ней было не так много: на севере было море, на юге — непроходимые болота, с запада текла широкая река, за которой заканчивались обитаемые земли. Отдать под неграмотное управление Фриски хоть какую-то значимую часть пахотных земель — значит, рисковать уморить весь народ голодом, а ни на что меньшее не согласится ни сам блудный сын, ни его новый тесть.

Отец сказал, что ему надо подумать, и отослал Эльби. Молодой человек же, воспользовавшись моментом, выскочил из городища — и, минуя вражеские дозоры, добрался до побережья. Конечно же, там его ждала Пилла.

— Любимый, я так рада, что ты цел! Мои родственники, дузии ветра, рассказали мне, что произошло. Это ужасно, столько страданий вам принесли враги! Почему они решили это сделать?

— Я не знаю. Видимо, к сожалению, так устроены люди — страдать и дарить страдания другим. Ты же рассказывала мне, что во всех нас есть искры Света Творения — почему тогда этот мир такой жестокий и несправедливый?

Они помолчали.

— Я могу чем-то помочь? — наконец, спросила морская дева.

— Просто вспоминай меня добрым словом. Вармы уже стоят под нашими стенами, они грозятся всех нас перебить, если мы не отдадим Фриски — хотя, на самом деле, конечно, их рикису, — кусок своей земли. А мы не можем ничего отдать, потому что иначе наш народ просто умрет с голоду...

— Земля? Им нужна земля? Зачем?

— Фриски взял в жены дочку вражеского рикиса. Теперь ему нужен удел, которым он мог бы править, — точнее, этого хочет тесть Фриски.

— Как же много смертные уделяют внимания земле, на которой они живут! Мне бы и в голову не пришла такая глупость! И что, если отдать эту землю, враги отступят?

— Да, но нам нечего отдавать!

— Как странно... Знаешь, у меня есть одна идея. Я поговорю с отцом, а пока давай займемся чем-нибудь более приятным. Я так скучала!

— Ты, должно быть, издеваешься? — могущественный Владыка пучин редко испытывал растерянность, поэтому он даже немного наслаждался этим чувством.

— Пап, ну это ненадолго! Сколько там живут люди? А потом мы все уберем! Пожалуйста!

— Как тебе вообще могло такое в голову прийти? Совсем недавно¹ эта выскочка Неринга устроила мне такое унижение, что я ни на один пир к другим богам не решался прийти, — а теперь ты просишь меня, чтобы я это повторил?

— Папа, ну я же люблю его! Ну пожалуйста!

¹ На самом деле прошло несколько столетий. Но по меркам моря это, наверное, и правда недолго.

— Ты, должно быть, издеваешься? — старый рикис думал, что уж от старшего-то сына ему сюрпризов ждать не придется, поэтому теперь пребывал в растерянности. — Ты встречаешься с морской девой?

— Пап, не это главное! Главное, что она решит нашу проблему — мы избавимся от вармов, и Фриски не угробит ни одну из наших земель!

Рикис задумался.

— Хм, а что. Может, что-то в этом и есть. Уверен, этот старый хрыч такого не ожидает, пусть подавится новыми землями, ха-ха! Только надо, чтобы твоя подружка сделала эту землю длинной и узкой, тогда Фриски с тестем потрясут своей ленивой задницей, пока объезжают удел. О, и пусть соседи у него будут повоинственнее, чтобы не скучал, — например, самбийцы!

— Папа, я не уверен, что красиво диктовать свои условия...

— Ну а что такого? Возьми свою морскую деву в жены — будет как раз приданое от ее отца!

— Пап, ну чего ты, мы это еще не обсуждали... — засмутился Эльби.

— С одной стороны моим сватом будет этот старый вармовский ублюдок, а с другой — сам Аутримпс! Жизнь, конечно, очень интересная штука...

На следующее утро остатки воинства помезан направились к лагерю вармов. Рикис Вармии выехал к делегации на своем коне и бросил надменно:

— Ты подкинул мне своего плешивого щенка, да еще и без наследства. Чтобы я всю жизнь его кормил? Совсем у вас плохо с едой стало?

— Мой плешивый щенок прибил к твоей семье, потому что лучше чувствует себя с вашей дурной породой!

Эльби пришлось положить руку на плечо отца, чтобы успокоить его. Молодой человек выдвинулся вперед и сказал:

— Рикис, мы слышали твои требования — и исполняем их. Пойдем, я покажу тебе земли, которые мой отец отдает Фриски в наследство.

Дружины двух народов отправились в путь и скоро выехали к морю. Там все еще бушевал шторм — волны высотой с крупное дерево с несокрушимой мощью обрушивались на берег.

— Ты отдаешь мне свой берег, помезан? — перекрикивая ветер, сказал вождь вармов. — Ты совсем сошел с ума?

— Нет, рикис, — вновь вклинился Эльби, видя, как начинает раздражаться отец. — Мы отдаем тебе то, что за берегом.

Варм расхохотался:

— Вы тут все и правда выжили из ума от страха. Не думаю, что кто-то может мне отдать эти земли, кроме Аутримпса!

— От него ты и получишь свой дар, рикис, — раздался голос над морем.

Это была Пилла, но такой ее Эльби никогда еще не видел. Ее тело вздымалось из огромной волны, и была она больше прибрежных холмов.

— Узрите — перед вами нерия Фриски¹!

Шторм прекратился, волны опали, и пораженные люди увидели очертания новой земли.

¹ Нерия — слово из древнепрусского языка, обозначающее, видимо, косу. На немецком языке Балтийская коса называется Frische Nehrung. По официальной версии, это связано с тем, что пресную воду в немецком раньше называли frisches Wasser.

— Ну что, Фриски, хорошо твое наследство? — спросил отец братьев. — А тебе, дорогой сват, подходит?

Взгляд рикиса вармов был прикован к Пилле, которая приняла человеческий облик и обняла своего Эльби.

— Да... сват. Наследство воистину княжеское.

— Какой же я была дурой, пап. Почему ты меня не отговорил?

Морской владыка улыбнулся — в этой улыбке была вся сладкая тоска последнего летнего дня, который уже завтра сменится промозглой моросью.

— Ты повзрослела, дочка.

— Со смертными пришлось — их время так быстро сгорает!

Конечно же, на самом деле она не жалела о том, что полюбила Эльби. У них была хорошая жизнь. Старый рикис после войны отошел от дел, и Эльби стал править своими землями. Рожать детей Пилла не хотела, но княжич завел наследников от младших жен, которых морская дева воспитывала, как своих. Фриски после свадьбы тоже взялся за ум и, ко всеобщему удивлению, сделал свою вотчину процветающей и богатой землей.

Сама Пилла приняла в свое «я» новый залив, образовавшийся за косой, и с увлечением в свободное от семейных дел время исследовала, каково это — быть покровительницей отдельного водоема, а не просто частью «я» отца.

Но, живя со смертными, Пилла впервые почувствовала, что такое течение времени. И однажды настал день, когда Эльби пришла пора завершить земной путь. Он умер, как и полагается потомственному воину, в битве — они периодически все еще случались в Ульмигании. А она поняла, что он был единственным, что держало ее на суше, — и вернулась домой.

— Нерию сносить будем? — с улыбкой спросил Аутримпс.

— Давай еще немного подождем, пожалуйста. Она напоминает мне о нем.

— Как скажешь, дочка.

Они помолчали.

— И что теперь?

— На последнем пиру я подпоил Патолса, и он рассказал мне то, о чем я и сам догадывался, — после смерти все мы, и смертные, и боги, снова окажемся в Свете. В Свете нет времени, и мы воссоединимся с теми, кого любим, — сольемся с ними в одном бесконечно прекрасном моменте.

— Обещаешь, пап? — всхлипнув, спросила морская дева.

— Обещаю, — ответил древний бог. — У всех в итоге все будет хорошо.

СТРАНА АИСТОВ

Иногда среди людей рождаются те, кому мало того, что вокруг них. Их дух не может смириться с положением дел, все обывательское кажется им нудным и неинтересным, и что-то тянет их открывать новые горизонты. Таких людей зовут первооткрывателями, или магами, или экспериментаторами, или новаторами. Иногда таких людей зовут еще душевнобольными.

Таким был и Лиго, молодой житель Самбийского побережья. С детства Лиго радовал родителей — он был здоров, умен не по годам, крепок телом и духом. Но несмотря на благосклонность богов и счастливое детство, примерно с семи лет Лиго начал грустить — он все время чувствовал, что ему чего-то не хватает. При этом мальчик жил в волшебное время, Ульмигания тогда была полна чудес: в небесах правили могучие благодетельные боги, в недрах творились великие таинства, да и на самой земле хватало волшебства. Но всего этого было Лиго мало. Однажды он спросил своих друзей:

— Неужели наш мир и правда такой маленький? Есть Древо, есть его крона, где живут боги, есть корни, где живут подземные духи, есть ствол, где мы живем, — и все?

— Лиго, но Древо же огромно! Посмотри, сколько всего происходит вокруг! Есть море, есть земли от Вислы до Немана, есть небо, есть холмы, есть чащи, есть болота — столько всего!

Друзья не понимали Лиго — и от этого мальчик только больше грустил. Обеспокоенные родители познакомили его

с вайделотом, чтобы Лиго мог задать интересующие его вопросы. На какое-то время это сработало, но как только Лиго выспросил у жреца все, что тот знал о мире, интерес мальчика снова иссяк. У вайделота больше нечего было взять, кроме мудрости, но мудрость старости никогда не интересна юности.

Лиго рос, из мальчика становился молодым мужчиной. Все девушки деревни на него заглядывались, родители ждали внуков, но Лиго это не интересовало. Все свободное от работы время, днем и ночью, он смотрел в небо, словно пытаясь увидеть в солнце и звездах отблеск Света Творения и разгадать замысел Окопирмаса.

Однажды в деревню Лиго пришли торговцы. Как это часто бывает, после ярмарки все жители деревни собрались у костра послушать, какие новости со всей Ульмигании несут купцы.

Была ясная летняя ночь, небо расчистилось и открыло россыпи звезд — дети Свайкстикса несли людям Свет, пока их отец отдыхал от трудов. Большой костер приятно отгонял прохладу ночи, в высокой траве стрекотали кузнечики, а где-то вдалеке, на самой границе слуха, рокотало море.

Старший торговец долго пересказывал новости и слухи, а потом, когда все уже начали собираться спать, вдруг сказал:

— Говорят, еще один человек попал в Страну аистов!

— Страна аистов? — удивленно переспросил Лиго с эхом того любопытства, что было свойственно ему в детстве. — Где это? Я никогда не слышал о таком месте!

— Это старая легенда, точнее, скорее даже слух... Говорят, есть такая волшебная страна, что не в крае людей, не в крае богов и не в темных недрах. Эта страна отделена каменной стеной настолько высокой, что уходит в небо, чтобы никто — ни люди, ни дузии, ни даже боги! — не посмели нарушить ее покой. Никто даже не знает, как эта страна выглядит и что в ней находится. Говорят, один раз

какой-то человек нашел эту каменную стену, закричал «Красиво, красиво!» — перепрыгнул на ту сторону, и больше никто его никогда не видел. Теперь же в волшебную страну попал второй человек, и он сумел вернуться — но был так поражен, что не смог с тех пор сказать ни слова, а потом и вовсе снова пропал без следа.

Разумеется, Лиго обрушил на купца водопад вопросов — но тот не смог дать ни одного ответа. Деревенский вайделот не смог ни подтвердить, ни опровергнуть рассказ купца — неудивительно, раз даже боги ничего не знали о Стране аистов. Расстроенный, Лиго потерял интерес — история явно оказалась чушью.

Сменилось несколько сезонов, и привычная жизнь Лиго закончилась — беда пришла в его дом. Сначала на охоте вепрь сильно поранил отца юноши. Несмотря на все молитвы Аушаутсу, отец после долгих страданий ушел в огонь. Мать Лиго не смогла вынести разлуки с любимым и зачала на глазах, и дюжины дней не прошло, как она тоже отправилась в Свет.

Лиго не понимал, почему мир устроен так глупо и жестоко. Почему боги — якобы мудрые и благие — допускают столько боли и страданий, почему даже великая любовь, какая была у его родителей, от этого не защищает и почему, наконец, во всем земном существовании нет никакого смысла.

Представить себе жизнь в родной деревне Лиго больше не мог — он не забрал бы себе хозяйство родителей и не стал бы вести скучную оседлую жизнь. Вместо этого Лиго решил отправиться странствовать — вдруг это только в его деревне вайделот стар и глуп? Может быть, где-нибудь в Гальтгарбене, Твангсте, да хоть в Галиндии живут мудрецы, которые лучше умеют толковать волю богов — и объяснят ему, наконец, зачем страдание, и смерть, и Тьма, и Свет, и есть ли в этом всем хоть какой-то смысл.

В путь юноша отправился налегке — в первую очередь потому, что брать ему особо было нечего. Из ценностей у него были только несколько оставшихся от отца медных колец, которые, если что, можно было променять на еду, да амулет — янтарная фигурка, изображающая Аутримпса. Лиго предполагал, что от Повелителя пучин в глуби континента пользы особо не будет, но фигурку все равно взял — хотя бы в память о матери.

Лиго очень быстро убедился, что мир, который из комфорта родной деревни виделся ему простым, понятным и маленьким, оказался на деле далеко не таким скучным. Парень никуда не спешил, поэтому его дорога до Гальтгарбена заняла несколько дней — и он узнал много нового об Ульмигании. Да и само городище, стоящее на холме более высоком, чем прибрежные утесы, было гораздо интереснее, чем его родная деревня. Оказалось, что, когда много разных людей живут вместе, их жизнь тоже становится разнообразнее.

Здесь, на Гальтгарбене, было большое святилище Курхо, окруженное могучими дубами, — говорили, что местные вайделоты отвечают за весь урожай в Островном крае. Еще ходили слухи, что здесь захоронены древние вожди — а вместе с ними роскошные украшения и утварь, сделанные из настоящего золота. Вайделоты всегда отвечали, что это выдумки, — а значит, судачили в народе, скорее всего, реликвии правда были.

Попасть к местным вайделотам оказалось не так просто, как думал Лиго, поэтому парень решил заночевать в лесу у подножья горы — и попробовать снова на следующий день. Оказалось, что эта идея пришла в голову не ему одному — здесь уже был разбит лагерь. К своему удивлению, Лиго обнаружил здесь знакомых ему торговцев. Старший купец его тоже узнал и спросил с доброй усмешкой:

— Ну что, парень, нашел уже Страну аистов?

Лиго вспомнил все те чувства, которые испытал, впервые услышав про это волшебное место, и уверенно ответил: — Пока нет, но, кажется, самое время начать ее искать.

На следующее утро юноша поменял планы — решил, что прийти к вайделотам он всегда успеет, — и отправился в путешествие. За ночь он подробно расспросил купца о том, что ему известно про Страну аистов. Начинать ее поиск, очевидно, надо было с этой самой «высокой стены» — что-то в таком роде наверняка было сложно спрятать. Лиго узнал, что под это описание может подойти Рамбинас — священный холм, возвышающийся на обратной стороне Немана. За Рамбинасом начиналась Жемайтия — а это уже почти край света.

Несмотря на то что душа юноши зудела от нетерпения поскорее разгадать загадку волшебной страны, он решил насладиться своим приключением, ведь кто знает, что ждет его по ту сторону стены. Он искупался в большом красивом озере рядом с Гальтгарбеном и отправился на восток.

Даже в наши времена путешествия могут доставить довольно много хлопот, а тогда это и вовсе было смертельно опасное приключение. Лиго с самоуверенностью и беспечностью отправился в странствие, к которому совершенно не был готов — и, наверное, мог бы сгинуть без следа. Но боги милостивы к ищущим чуда, поэтому ни дикие звери, ни коварные топи, ни лихие люди не встретились Лиго. Даже Лесной хозяин, любящий обычно поразвлекаться и запутать путников, направил юношу в лабиринте чащоб, так что тот ни разу не сбился с пути и даже всегда умудрялся находить что-нибудь съедобное — хотя никаких особых навыков ориентирования на незнакомой местности у впервые покинувшего свою деревню парня не было. Через несколько дней Лиго вышел на берег Немана.

Никогда раньше парень не видел такую большую и могущественную реку. Стремительный бег реки наполнил его душу почти священным восторгом. Он искупался, борясь с непривычно сильным, почти морским течением, и растя-

нулся на илистом пляже. Жизнь была прекрасна, и даже щемящая грусть, всю жизнь незримо присутствующая в душе парня, стала более отдаленной.

Наконец, Лиго поднялся и отправился вверх по течению в надежде найти рыбаков, которые укажут ему путь к священному холму. Довольно скоро он вышел к рыбацкой деревушке, где добрые люди рассказали, как добраться до Рамбинаса, и предложили ему ночлег. Лиго, последние дни ночевавший только в лесу, с радостью согласился.

Когда стемнело, жители деревни позвали его к костру и стали расспрашивать о том, что он видел на своем пути. Неожиданно Лиго, сам всю жизнь жадно ловивший любую информацию о том, как живут в других местах, понял, что он сам теперь стал *человеком, которому есть что рассказать*. Он рассказал рыбакам про море, и про Самбию, и про Гальтгарбен, и в их глазах видел уважение и интерес. А вот про Страну аистов здесь и не слышали.

Сладко выспавшись под крышей в рыбацкой деревне, Лиго отправился в путь. Рыбаки помогли ему переправиться на противоположный берег. Спустя пару часов Лиго заметил, что земля стала вздыматься — начинались склоны Рамбинаса. К разочарованию парня, ни на какую высокую стену, способную скрыть волшебную страну, это похоже не было, холм как холм.

Наконец, он вышел к рикойто — святилищу на вершине холма. Здесь, как рассказали Лиго, поклонялись Каукарасу, духу горы, чей каменный трон стоит в глубокой пещере. Но был здесь и алтарь, на котором можно было принести жертву Перкунасу.

С Рамбинаса открывался прекрасный вид. Сейчас, в жаркий летний день, мир казался спокойным и ласковым — как котенок, нежащийся на солнце.

— Красиво здесь, не правда ли? — спросил кто-то за спиной парня. Лиго оглянулся — это был вайделот. Поклонившись, юноша ответил:

— И правда, мудрый. Островной край очень красив — особенно летом.

— В каждом сезоне есть своя красота. В моем возрасте, например, начинаешь ценить тихое спокойствие осени. Я слышу поговору, что ты не из этих краев?

— Все верно, я из Самбии, с побережья.

— Далекий путь! И что же привело тебя сюда? Наверное, хочешь попросить о хорошем урожае? Но тогда тебе проще было бы отправиться в Гальтгарбен. Может быть, ты пришел просить о ребеночке? Твоя жена не может забеременеть?

— У меня нет жены, мудрый. Я пришел сюда по другому поводу, я ищу Страну аистов.

— Страну аистов? Это редкая легенда, даже среди вайделотов о ней знают не все. Но, возможно, я смогу тебе помочь. Сейчас я занят — скоро Каупали, Самый длинный день, и мы готовимся к празднованию. Оставайся с нами до этого времени, отдохни, — я поговорю с тобой, когда торжества останутся позади.

Лиго узнал, что многие люди со всей Ульмигании совершали паломничество к Рамбинасу перед Каупали, потому что в самую короткую ночь года боги являют здесь чудо. В основном паломниками были старики, которые явно готовились к посмертию, но были и молодые парни и девушки, пришедшие сюда просто развлечься. Большинство из них были из окрестных деревень, может быть, была пара жемайтов, но даже хотя бы с Самбии Лиго никого не встретил. Впрочем, он подружился с парой местных ребят, и дни до праздника прошли незаметно.

Наконец, настал день Солнцестояния, и небольшое поселение вокруг святого холма словно окунулось в первородный Хаос. Торговцы продавали и покупали, жрецы приносили жертвы, паломники молились, все вокруг ели, пили, ругались, мирились, дрались, пели, танцевали — короче, прославляли, как могли, Негасимый Свет. Но день, даже са-

мый длинный, закончился, а значит, обещанное чудо должно было вот-вот случиться.

С востока на мир надвигалась тьма. Она постепенно захватывала небо, вытесняя густую синеву, еще недавно царившую в вышине. Мгла текла по земле, сливаясь в своем безудержном беге со стремительными водами Немана. Небеса закрыли плотные тучи, поэтому свет луны и звезд не прорывался сквозь крону Мирового Древа. Жрецы строго-настрого запретили разжигать огонь.

Внезапно над холмом загорелся свет — так разрезает небо молния Перкунаса, но сейчас не было грома, и свет исходил не из неба, а скорее от земли. Сияние медленно разгоралось, и вскоре стало светло, как днем. Белоснежный свет казался одновременно ласковым и страшным — настолько он был неземным, не похожим ни на что, знакомое людям.

— Радуйтесь, люди, боги довольны нашей службой! Воды источника остались прозрачными! По преданию, которое хранят вайделоты Рамбинаса, люди однажды забыли про богов, предали их в надменности своей — и тогда все ручьи на священном холме стали красные, как кровь. Мы помним богов, а они берегут нас — таков священный уговор! Запомните и расскажите другим!

Когда жрец закончил, народ потянулся к источнику — его воды сулили удачу. Лиго набрал полную пригоршню и, умывшись, коротко попросил богов помочь ему в поиске.

Вайделот принял Лиго через день.

— Ну что, еще хочешь искать свою волшебную страну, не впечатлили тебя наши чудеса?

— Чудеса, которые дарят боги, конечно, велики, — вежливо ответил Лиго. — Но, если верить рассказам, Страна аистов — это тайна и для самих богов!

— Эх, молодость! Еще вчера ты ничего не знал о Явлении Света, а сегодня тебе уже этого мало. Хорошо, ищи! Я не знаю, где эта ваша Страна аистов, но я догадываюсь, с че-

го ты можешь начать поиски. Тебе надо идти на юг, в земли бартов. Там лежат огромные каменные валуны, если что в Островном крае и подходит под описание — то это они.

— Спасибо! Но откуда ты столько об этом знаешь?

— Не ты один мечтаешь о чудесах, парень, — тепло улыбнулся вайделот. — Я тоже когда-то... Но сейчас мое место здесь. Если вдруг найдешь свою волшебную страну — не забудь о старике, отправь весточку.

Конечно, Лиго был слегка раздражен тем, что поход к Рамбинасу оказался бесполезным. С другой стороны, он приятно провел там время и узнал много интересного. К тому же парень знал, что ищет невозможное — и было бы странно, если самую большую тайну Ульмигании было бы так просто разгадать. Поэтому, собрав свои нехитрые пожитки, юноша отправился в дорогу.

Путь его, как объяснили Лиго вайделоты, лежал на юг, через земли надровов. Ему предстояло миновать долину Прегеля — к счастью, летом это было сильно проще, потому что в дождливые сезоны река сильно разливалась.

Путешествие чем дальше, тем больше становилось в тягость. Несмотря на то что Лиго все еще сопутствовала удача, он становился все угрюмее. Вопросы, на которые он хотел найти ответы, становились все острее — во время своих странствий понял, что первое впечатление оказалось обманчивым, жизнь в его деревне ничем не отличалась от жизни за ее пределами. В каждом уголке Ульмигании люди думают только о том, как бы поменьше страдать.

Спустя несколько дней Лиго вышел на берег реки. Он уже знал, что надо делать дальше — искать поселение рыбаков и узнавать у них дорогу. Деревня действительно нашлась довольно быстро, парень выяснил, что его занесло слишком далеко на восток — он оказался почти у истока

Прегеля, на слиянии Инструта и Ангералпы. Местные сказали, что земли бартов уже совсем недалеко, но не знали точно, как лучше туда добраться, и посоветовали сходить к вайделотам.

Местное рикойто называлось Камсвикус. Рыбаки шепотом рассказали, что это название произошло от имени рикиса, правившего здесь в незапамятные времена. Рикис был жесток и руководил кровавой дланью. Тиран этот настолько всем надоел, что однажды одна из жен Камсвикуса убила мужа — и стала править сама от имени старшего сына. Правда, со временем оказалось, что жена еще хуже мужа, и народу под ее гнетом живется еще тяжелее. При этом вдове рикиса хватило ума окружить себя витингами, которые, при всей своей подлости, верно служили хозяйке.

Народ мучился под властью жестокой правительницы, но и уйти не мог — земля была плодородной, а река — полна рыбы. Однажды вдова сотворила что-то настолько отвратительное, что даже боги разгневались. Потримпс в своей темной, подземной ипостаси вывел из-под горы, на которой стоял дом Камсвикуса, воду — из-за чего дом провалился в подземные пещеры, погребая всех его жителей. После этого на сильно уменьшившейся в размерах горе Камсвикус вырос священный дуб, который стал святилищем Потримпса.

Лиго вежливо изумился, выслушав историю, но про себя подумал, что она выглядит как-то слишком путано. Где еще быть святилищу Потримпса, как не на слиянии двух рек, в долине, которая по весне превращается в настоящее пресноводное море? Видимо, история про злобного рикиса должна была просто прикрыть тот факт, что ради Потримпса подвинули святилище какого-нибудь менее важного бога — например, духа самой горы.

В ответ на это Лиго рассказал о Явлении Света, которое видел на Рамбинасе. После этого его престиж среди рыбаков поднялся до недостижимых вершин.

— И что, действительно становится ярко, как днем?

— Не как днем, скорее, как во время сильной грозы — но не на несколько мгновений, а на всю ночь, до самого рассвета!

— Это невообразимо, — прослезилась какая-то женщина. — Не могу даже представить себе такое чудо!

— Так зачем представлять? — удивился Лиго. — Просто сходи туда в следующем году, тут недалеко, я шел от силы дюжину дней...

— Ой, да куда мне, я старая, у меня дети, хозяйство... — стушевалась женщина.

Лиго обвел рыбаков взглядом и понял, что, несмотря на все восторги, идти и лично лицезреть божественный Свет никто не собирается. Утренний улов им явно был важнее чудес.

Впрочем, в деревне Лиго понравилось — и он решил остаться на пару дней. Почему-то он откладывал поход в Камсвикус и встречу с вайделотами — наверное, боялся в глубине души, что опять идет по ложному следу. Вместо этого он предпочел пообщаться с бесхитростными рыбаками, рассказать им своих историй, поесть прекрасного местного угря и накупаться в неглубокой кроткой реке.

Наконец, он собрался в путь. Рыбаки переправили его на другой берег и рассказали, как добраться до рикойто. Холм действительно показался довольно скоро. Местный вайделот принял Лиго почти сразу. Он был довольно молодым, может, чуть старше самого Лиго — Впрочем, было бы странно, если бы юному богу текучих вод служил древний старик. Вайделот ничего не знал про Страну аистов, из разговора показалось, что его вообще не волнует ничего, кроме нереста рыбы и обрядов урожая, — что, Впрочем, объяснимо, все-таки лето было в самом разгаре. Тем не менее он подсказал Лиго, как добраться до земли бартов — оказалось, надо было просто идти вниз по течению Прегеля до слияния с рекой Алной, и затем Ална приведет к Краю больших озер.

Скорее всего, этой информацией вайделот владел только потому, что она была связана с реками.

Жрец предложил Лиго переночевать в городище, но юноше не терпелось отправиться в дорогу — путь ему предстоял довольно долгий. Впрочем, стоило ему отойти совсем недалеко от Камсвикуса, начался шторм — такой сильный, что даже идти было тяжело. Перкунас явно на что-то гневался, причем сильно — такой большой грозы не было уже несколько лет. На удачу Лиго, у него относительно быстро получилось найти небольшой береговой выступ, под которым можно было спрятаться. Лиго укрылся всем, чем мог, развел небольшой костерок, заварил трав и из относительного комфорта наблюдал, как небесная река дождя сливается с рекой земной. Было красиво и немного страшно.

Ближе к закату дождь, наконец, прекратился. Наступила ночь, от сырой земли тянуло прохладой, но налетевший ветерок был очень теплым. Небеса расчистились, и из-за горизонта вышла почти полная луна, заливая округу магическим серебряным светом.

Неожиданно Лиго услышал голоса. Со стороны холма к реке шла группа людей, причем, судя по всему, девушек. Они вышли на берег — и Лиго обомлел. Он никогда не видел настолько красивых не то что женщин, вообще людей. Их кожа была чистой, как свет звезд, их волосы — волнистыми, как поверхность моря, их... Тут надо отметить, что девушки были обнаженными — поэтому впечатления Лиго легко объяснить.

Смеясь, девушки вошли в реку и принялись купаться. Лиго, затаив дыхание, наблюдал за ними — и в какой-то момент начал понимать, что, помимо красоты, с девушками что-то было не так. Наконец, до парня дошло — свет луны проходил сквозь них и касался вод реки, словно не встречая никаких препятствий.

Лиго в ужасе понял, что перед ним дузии — духи этих мест. Может быть, рек, или болот, или холмов. Сначала он

весь обмер — вспомнил страшные сказки, как любопытные, подсматривающие за дузиями, превращались в камень, — но потом понял, что это его шанс. В отличие от вайделотов, которые при всей своей якобы мудрости оставались обычными людьми, эти девушки были божествами — пусть и мещеховыми.

Собравшись с духом, Лиго вышел на берег. Девушки удивленно замолчали и уставились на него.

— Девы, прошу вас, не гневайтесь. Я оказался здесь случайно — прятался от грозы. Я не хотел тревожить ваш покой и не посмел бы с вами заговорить — но мне нужна помощь!

— Смелый какой! — сказала одна из дузий, невзначай перебросив волосы так, чтобы они перестали прикрывать грудь. — И симпатичный... Какая же помощь тебе нужна, смертный?

— Я ищу Страну аистов!

Девушки снова замолчали, недоуменно переглянулись — а потом засмеялись.

— Вайделоты сказали мне поискать в землях бартов, но я уже не в первый раз иду по ложному следу. Может быть, вы, божественные девы, знаете лучше, чем наши человеческие жрецы?

— И зачем же ты ищешь Страну аистов?

— Мне говорили, что это величайшее из чудес, существующее в Ульмигании!

— Оставайся лучше с нами, мы покажем тебе такие чудеса, что никакой Страны аистов не нужно!

Дузии снова расхохотались, и Лиго подумал, что их смех не такой уж и соблазнительный.

— Не слушай моих сестер, — сказала дузия с глазами темными, как самые глубокие колодцы. Она одна не смеялась над Лиго. — Ищущего чудо охраняют боги, и мы были бы рады тебе помочь. Но Страна аистов, если она и существует, откроется только людям — у богов другой путь.

Остальные девушки умолкли — как показалось юноше, расстроено.

— Тебе везет, — продолжила дужия. — Ты сумел встретиться с нами. Мы могли бы провести тебя через вход в Холмы, в чертоги Подземного огня, и рассказать тебе его тайны — но, кажется, это не то чудо, которое ты ищешь. К тому же для смертных эти тайны редко совместимы с жизнью. Иди в страну бартов, раз тебя туда ведет путь, — там ты найдешь ответы. Или хотя бы задашь правильные вопросы.

Девушки вышли из реки и скрылись в проходе, открывшемся в склоне холма. Проход сомкнулся за их спинами, и Лиго остался на берегу совсем один. И только теплый ветер прошептал ему на прощание: «Если найдешь Страну аистов и у тебя будет возможность это сделать — отправь мне весточку...»

Остаток пути в землю бартов не отметился ничем примечательным. Путь по реке был приятным и красивым. Несмотря на то что ему надо было пройти сравнительно небольшое расстояние, двигался Лиго довольно медленно — его накрыло волной неторопливости, и никуда спешить не хотелось. Он мог присесть на коряге на берегу и подолгу смотреть, как бежит вода. К тому же дорогу осложняли летние дожди — зачастую под ногами хлюпала жидкая грязь, идти по которой быстро было невозможно.

В поселение на впадении Алны в Прегель Лиго решил даже не заходить, хотя в теории там можно было договориться о том, чтобы его подбросили вверх по течению на лодке. Почему-то он все больше сторонился людей, предпочитая уединение природы людской суете. Пройдя пару дней вверх по течению Алны, Лиго решил зайти в какую-нибудь деревню и узнать, откуда начинать поиски. Де-

ревня нашлась быстро — земли бартов были очень густо населены.

В этот раз ему не хотелось рассказывать о тех чудесах, что он видел, — ему нужно было просто узнать дорогу. Но этого и не потребовалось, скучающие рыбаки сами выболтали ему все, что знали, — и гораздо больше, чем хотелось.

Первое, что наперебой рассказали жители деревни, — это что барты называют себя так в честь богини Барты, якобы жены Перкунаса. На вопрос Лиго о том, почему никто, кроме бартов, об этой загадочной жене не знает, рыбаки не ответили. По их словам, супруга Громовержца однажды захотела построить себе дворец в мире смертных и из всей Ульмигании выбрала именно эти края. Это, разумеется, было давным-давно, от дворца богини ничего не осталось, зато на горе, где он когда-то стоял, вырос огромный священный дуб. Именно туда, на гору Барты, рыбаки и посоветовали Лиго отправиться.

Парень поблагодарил за совет и сразу отправился в дорогу, решив не пользоваться гостеприимством.

Спустя пару дней пути земля, наконец, вздыбилась холмами — значит, рикойто уже близко. Скоро Лиго увидел дым, поднимающийся с вершины холма, а затем показался и священный дуб. Юноша вспомнил свою первую священную гору, Гальтгарбен. Казалось бы, прошло совсем немного времени — но он чувствовал себя уже совсем другим человеком. Он уверенно поднялся по склону холма, зашел в обнесенное деревянными стенами городище — и попросил аудиенции у вайделота. Когда младшие служители отодвинули белоснежные покровы, Лиго ждал самый большой сюрприз из всех — внутри святилища он увидел женщину. Удивленный, юноша застыл перед входом.

— Ну чего ты так удивляешься? — усмехнулась женщина. — Неужели ты думал, чтобы богиня разрешит мужчине представлять ее?

— Честно говоря, я вообще никогда раньше не слышал о богах-женщинах. Мне как-то никогда не приходило в голову, что это возможно. Я думал, про Барту придумали дикие рыбаки...

— Правильно говорить — богинях. И не такое бывает под солнцем!

Про себя Лиго подумал, что это все звучит как ересь и богохульство, но промолчал — ему не было дела до чужих богов и уж тем более богинь.

— Но ты ведь пришел сюда явно не богословие обсудить. Ты издалека, судя поговору — с побережья. Что ты ищешь в Бартии?

— Я ищу Страну аистов. Ты слышала о ней?

— Это любимая басня бродячих торговцев. Почему ты решил, что она здесь?

— Вайделот с Рамбинаса сказал, что в землях бартов есть места, похожие на те, что описывали торговцы. Каменная стена настолько высокая, что уходит в небо...

Женщина задумалась.

— Я боюсь, что этот вайделот сыграл с тобой злую шутку. Или у него просто отказывает память. Может быть, он вспомнил про камни... В наших землях действительно много валунов — говорят, противник Перкунаса, чье имя не стоит лишний раз называть, пытался поразить Громовержца этими камнями, когда тот строил здесь замок для своей супруги. Но я знаю, что тебе на самом деле нужно. В нескольких днях пути на юго-запад отсюда находится самая высокая гора Ульмигании¹. Если что-то и подходит под описание — то это она.

¹ Имеется в виду Дылевская гора, находящаяся в Варминско-Мазурском воеводстве в Польше.

Лиго поблагодарил жрицу и вышел из святилища. Он чувствовал себя так, как будто эта самая каменная стена, которую он искал, все это время скрывалась у него на плечах.

Лиго лежал на поверхности небольшого озера и смотрел, как блики, отражающиеся от поверхности воды, играют на деревьях. Этот танец света зачаровывал его, и на какое-то время он так расслабился, что почти задремал — хотя в воде это довольно опасно.

Юноша чувствовал, что он совершенно перестал понимать, зачем делает то, что делает, что он ищет — и верит ли вообще, что Страну аистов можно найти. Конечно, дузия подбодрила его, но, может, это был какой-то извращенный юмор духов. Может, боги развлекаются, глядя, как люди страдают...

Поняв, что от былой безмятежности не осталось и следа, Лиго нырнул под воду и сидел на дне, пока не закончился воздух в легких. Когда он вынырнул, он увидел в зарослях на берегу аиста. Испугавшись громкого звука, аист взмыл в воздух и улетел куда-то на юго-запад.

Пора было двигаться дальше.

За время своего долгого пути Лиго очень исхудал, можно даже сказать — высох. Его тело явно давало сигналы, что путешествие дальше продолжаться не может. Например, в какой-то момент у него свело ногу и стало больно ходить — но он все равно понемногу, хромя, продолжал свой отчаянный путь в никуда.

Наконец, он увидел гору. Лиго говорили, что на горе нет городища, просто священный лес — в который, впрочем, разрешалось заходить всем, кто хотел, роща не была запрет-

на для смертных. Юноша прикинул, какая стороны горы выглядит самой высокой, и начал подъем.

Дожди, наконец, прошли, и стоял погожий ясный день. Лето медленно клонилось к концу, но осень явно еще была далеко. Перед Лиго лежала вся Ульмигания — с одной стороны виднелась Висла, дальний берег которой был сокрыт туманом, с другой — Край озер, в котором жили барты. Где-то там, еще дальше, был родной Самбийский полуостров. Может быть, если напрячь зрение, можно было бы увидеть Неман. Единственное, чего отсюда не было видно, — это Страны аистов.

Сдался Лиго не сразу. Почти дюжину дней он провел на самой Высокой горе, обойдя ее по кругу, — он помнил, что волшебные двери могут быть незаметны смертным. Затем он обошел другие холмы, поменьше, и искал вход в волшебную страну там.

Лето тем временем заканчивалось, надвигалась осень, а значит, пора было задумываться о том, где зимовать. Разочарованному Лиго было совершенно все равно, где находится, он, может быть, с радостью лег бы на стылую землю и замерз насмерть, но здоровое молодое тело не было в восторге от этой идеи. Равнодушный к собственной участи, Лиго решил вернуться в родную деревню.

За те месяцы, что его не было, здесь ничего не изменилось. Соседи присмотрели за родительским домом, поэтому он был вполне цел.

Конечно же, Лиго сразу обступила любопытная толпа, но он сказал, что устал с дороги, и закрылся в доме.

Несколько дней он провел внутри. Добрые соседи подкармливали Лиго, он с благодарностью брал еду, даже ел ее — но совершенно не чувствовал вкуса. Один из соседей, друг детства Лиго, сказал, что надо сходить на море — вода стала значительно холоднее, и, может быть, это последний шанс искупаться в этом году. Лиго последовал совету и вышел из дома.

Он стоял на обрыве на берегу и смотрел на царство Аугримпса. Было пасмурно, и вода в таком свете выглядела сероватой. Юноша долго всматривался вдаль, и внезапно его озарило. Вот же она, огромная стена, уходящая в небо!

Взволнованный, Лиго подбежал к кромке воды. Солнце выглянуло из-за туч, и его луч коснулся морской глади. Лиго сделал осторожный шаг — и понял, что его нога не погрузилась в воду. Ступня стояла на солнечном отражении, как на твердой поверхности.

Полный восторга, Лиго сделал еще один шаг. И еще один. Так, шаг за шагом, он дошел до Края Мира — и увидел, наконец, Страну аистов.

— Красиво, — прошептал Лиго. — Красиво!

КОНЕЦ ВРЕМЕН

С тех пор, как Окопирмас-Творец зажжет Горячий Вечный Свет, все в Мироздании находится в движении, меняется, развивается и деградирует. По его замыслу, у всего в Мироздании есть начало, есть середина и есть конец. Ничто не могло, как в изначальном Хаосе, быть всегда, существуя во все стороны пространства, времени и других измерений, о которых люди и не слышали.

Вместе с тем перемены в Мироздании никогда не происходят мгновенно. Это похоже на то, как волны медленно подтачивают прибрежную дюну — удар за ударом, на протяжении веков. Одна волна ничего не решает, но их совокупность однажды изменит ход событий, утянет за собой весь утес, и на его месте появится что-то новое. Мудрец, который родится спустя столетия после событий этого рассказа, однажды назовет это «переходом количественных изменений в качественные».

Такие же волны перемен стали бить по всей Ульмигании. То на южных окраинах мира, где непроходимые болота, сокрытые туманом, объявится вдруг из ниоткуда отряд богатых торговцев, готовых обменять настоящие железные украшения на слезы Солнца, которыми всегда было усеяно побережье после шторма. То с запада по морю, откуда-то из-за Края земли, придет корабль грозных воинов, которые, впрочем, после пары кружек пива окажутся отличными ребятами. То Камень лжи, покорный воле Перкунаса, во время очередного суда не двинется с места и не раздавит совер-

шенно однозначно виновного преступника. То Курхе проигнорирует подношение, не принеся исстрадавшейся от летнего зноя земле драгоценного дождя.

Жрецы-вайделоты хмурились, советовались с гадалателями — но, конечно, и не думали бить тревогу. Они и представить себе не могли, что наступала новая эпоха, которую одни назовут Кали-югой, другие — Железным веком, а третьи — разводом Земли и Неба. Впрочем, не будем забегать вперед.

Со временем народы, населявшие Островной край, узнали, что вокруг них то ли возникли из ниоткуда, то ли всегда были незаметные многочисленные и разнообразные земли. Самые разные новости несли гости из этих земель — что есть на свете люди с иссиня-черной кожей или, например, огромные звери, больше любого лося и медведя. Рассказывали про города настолько большие, что и за день не обойдешь, и про пустыни, где Свет Творения сияет так ярко, что сжигает почти все живое.

Мир неожиданно стал большим. Рикисы и вайделоты не смогли прийти к общему мнению о том, как им следует жить дальше. Некоторые вожди, те, что посмелее, активно торговали с иноземцами — и даже сами совершали походы в земли, которых раньше не было. Другие племена, наоборот, предпочли максимально закрыться от чужаков — было понятно, что перемены несут не только новые возможности, но и угрозы.

Что еще было понятно про новый мир, так это то, что в нем было беспокойно. Жители Ульмигании слушали истории о болезнях, выкашивающих целые селения, о голоде, вынуждающем одни народы сниматься с места и отвоевывать у соседей земли. От всех этих напастей Островное царство раньше хранили боги, но придут ли они на помощь сейчас?

Однажды весенним днем на побережье между косой Фриски и Вислой показался корабль. Берег этот выглядел безрадостно — с утра шел отвратительный мелкий дождь, висевший в воздухе мокрой пеленой и превративший землю в грязь. Впрочем, тоскливый вид не испугал вновь прибывших — с корабля на лодках стали высаживаться люди. Они явно знали лучшие времена — даже могучие мужчины дрожали от голода и слабости. Выбиваясь из сил, они разбились на берегу лагерь.

По дыму и шуму лагерь новоприбывших обнаружил дозор витингов. Жители побережья сначала хотели выгнать чужаков, но пожалели их — люди в Ульмигании все еще следовали заветам гостеприимства, переданным Перкунасом, и помогать ближнему считалось нормой. Из ближайшего городища прибыл рикис-помезан Пиопсо, сопровождаемый несколькими дружинниками.

— Кто вы такие и откуда будете? Не несете ли вы зла, не замышляете ли недоброе?

Но чужаки, как оказалось, говорили на совсем другом языке — и абсолютно не поняли рикиса. Пришлось общаться жестами. Потратив изрядное количество времени, рикис выяснил, что на корабле прибыли беженцы — суровое воинственное племя выгнало их с родной земли на другой стороне моря, которая звалась Кимврия. Возглавляли беженцев конунг Видевут и его брат-близнец Брутен.

В итоге рикис решил разрешить гостям остаться, и помезане даже помогли им обустроиться. Шло время, весну сменило лето, а затем и осень. Заморские гости понемногу учили язык и лучше узнавали свой новый дом, хотя их сердца болели по утерянной родине, которую они уже, скорее всего, никогда не увидят. Несмотря на то что берега Ульмигании поразительно походили на их родину — почти та же природа, почти тот же климат, даже море, кажется, то же, — все равно в Островном крае все было иначе. Как все свежие мигранты, вынужденные оставить свой дом из-за войны,

кимвры с утроенной силой навалились на изучение языка и обычаев принявшего их народа.

— Здесь есть хорошо, — сказал Видевут, навещая рикиса Пиопсо. — Наши легенды говорят, что у нас тоже так было — давно. Уже не так. Как вы сохранили?

— Ульмигания давно живет в мире, на моем веку здесь не было больших войн. Но в последние годы у нас стали появляться гости из других земель — такие, как вы. Я опасюсь, что они несут беду.

— В мире теперь много зла есть. Нашу землю тоже хранили боги, давно. Уже нет. Видимо, Рагнарек все-таки произошел.

— Что такое Рагнарек?

— Сложно, не знаю слов. Это война, когда боги... умирающие? Умерли?

— Умрут? Прямо все? И Патолс, и даже Свайкстикс, Нега-симый Свет?

— Мы называем богов иначе. Но они молчат. Может быть, ваши боги еще живы. Они помогут? Это хорошая земля, нельзя, чтобы и она плохая стала.

— Ты рассказываешь важные вещи, они важны для всей Ульмигании. Я созову рикият.

— Рикият?

— Я — рикис. Когда нас много — это рикият.

— Понятно, тинг.

— Вы тоже так делаете?

— Делали давно. Больше нет.

Вождь созвал рикият, но по несрочным вещам такие дела быстро не делаются. Миновала Самая длинная ночь, а значит, мир захватила серость — другие цвета в Ульмиганию до весны будут захаживать редко. Серость неба могли оттенять чернота грязи и иногда белизна снега. Даже воды

Аутримпса-моря на зиму как-то серели, хотя обычно играли красками от бирюзы до перламутра.

В один из таких дней, когда мокрое небо опустилось так низко, что касалось крон деревьев, наконец, состоялся рикият. Вожди большинства племен Островного края собрались в городище на холме Твангсте. Вайделоты из самых разных земель, разумеется, тоже были там, их не могли не позвать на обсуждение вопросов, связанных с богами, — а с богами в те времена были связаны вообще все вопросы.

Рикис-помезан долго думал, как помочь Видевуту и Брутену лучше рассказать о том, что случилось с их землями, — но оказалось, что братья были не единственными гостями Островного края, говорившими на северном наречии. Другие изгнанники прижились здесь — и даже изловчились уже достаточно хорошо говорить на местном языке. Так благородный рикият впервые в истории познакомился с концепцией переводчика.

Видевут начал свой рассказ о том, что на памяти его дедов их мир тоже неожиданно стал большим: на дальних окраинах, где раньше жили ледяные гиганты и текли огненные реки и куда не было хода живым, вдруг появились люди. Люди эти были очень разные — некоторые были из таких краев, где даже зимой не надо носить теплой одежды.

Сначала гордые земляки Видевута обрадовались этому — в их землях царила гораздо менее мирная атмосфера, и они поспешили сесть в свои корабли и отправиться грабить новые края, а не давно надоевших соседей. Но потом оказалось, что и на этих свирепых воинов нашлась управа. В одной из новых земель началась эпидемия, и ее жители, движимые ужасом, пришли в Кимврию — край, где правил Видевут. Противостоять людям, для которых смерть от клинка — это избавление, по сравнению с той смертью, что ждет их позади, невозможно. Поэтому князь собрал своих подданных, кто остался в живых, и повелел садиться на корабли — плыть в новые земли. В пути их ждали шторм-

ма и морские чудовища, один раз даже, говорят, они видели могучий бок поднимающегося из глубин Змея — и в итоге только один корабль смог добраться до берега.

В комнате надолго воцарилось молчание, нарушаемое лишь ласковым треском паникса — священного огня. Многие мудрые вожди и жрецы слышали от чужеземцев, но с таким еще не сталкивались — чтобы целому народу приходилось терять свою родину.

— Наши жрецы говорили нам, — продолжил в тишине Видевут, — что мир закончится, как и начался, огнем и льдом. Что перед этим богов ждет великая битва. Но наши жрецы то ли ввали, то ли ошибались — никакой битвы не было, наши боги просто ушли от нас.

Вайделоты переглянулись — они договорились особо не афишировать тот факт, что и их в последнее время боги не жаловали вниманием.

— Неужели, — спросил вайделот из народа куршей, — ваши боги совсем замолчали? Ни один обряд не работает?

— Из того, что осталось, — вступил в разговор Брутен, — работают руны. Их получил Один, наш Всеотец, когда висел, пронзенный копьем, на стволе Мирового Древа. Я думаю, только благодаря им мы добрались до ваших краев.

Он снял с пояса мешочек и высыпал в ладонь несколько деревяшек, украшенных рублеными, словно высеченными топором символами.

— Я думаю, что их сила может помочь и вам. История нашего народа закончилась трагично — и мы бы не хотели, чтобы вас постигла та же участь. Я мог бы попробовать поговорить с вашими богами, чтобы узнать, как совместить...

— Довольно богохульства! — воскликнул вайделот воинственных ятвягов. — Ваши боги явно оказались слабее наших, раз не уберегли ваши земли! Как смеешь ты предполагать, что ваша магия сможет потребоваться нашему Всеблаговому Свету!

— Всеблагой Свет, конечно, не нуждается ни в чьей помощи, — мягко возразил жрец-помезан, Тарайис, который часто общался с братьями-чужаками, — но как насчет его детей? Последние годы Курхе не жалуется нас своей милостью — земли скальвов этим летом и вовсе дали половину урожая из-за засухи!

Начался ропот — всем благородным мужьям было что сказать по поводу неурожая вокруг Немана, особенно самим скальвам.

Наконец, самбский вайделот на правах хозяина воззвал к порядку:

— Дорогие гости, мы вас услышали. Спасибо вам за заботу о нашей земле — мы рады, что она вам понравилась. Нам надо посоветоваться — мы сообщим вам решение.

Когда короткий зимний день превратился сначала в пурпурные сумерки, а потом и в стылую ночь, рикис-помезан вышел к братьям. Вождь с трудом сдерживал гнев и не проронил ни слова, но следовавший за ним вайделот Тарайис рассказал:

— Рикият не прислушался к вашим словам. Все относятся к чужеземцам настороженно, но ваша затея с рунами кажется слишком опасной. Впрочем, мы не обязаны слушаться их решения. Я верю в то, что вы рассказываете. Если мы не сможем защитить всю Ульмиганию — мы можем хотя бы попробовать уберечь наши земли. Я расскажу вам все, что знаю о наших богах.

В эпоху перемен время бурлит, как вода в котле. Жители Островного края привыкли к размеренной жизни, но на сломе эпох за месяц может случиться больше, чем раньше случалось за год. Пока Брутен вместе с поверившими ему вайделотами учился премудростям обрядов и магии, Видевут обучал дружину рикиса новинкам воинского дела.

Кроме того, вернувшийся к привычному делу конунг взял себе жену из местных, и скоро они зачали ребенка.

Остальной мир тем временем тоже не стоял на месте, случилось то, чего все так боялись, — большая война. С юго-востока, из земли болот и Великих озер, где раньше в топах и туманах заканчивался обозримый мир, пришли чужаки. Они говорили на своем наречии и были грозными воинами — кажется, их волновала даже не столько дань, сколько возможность сеять разрушение. Более того, чужаки не боялись гнева богов — они оскверняли священные рощи и гасили паникс, отблеск Негасимого Света.

Все поняли, что дело плохо, когда гордые ятвяги, которые всегда держались немного в стороне от остальных ульмиганских народов, запросили у соседей помощи. Они первые столкнулись с чужеземцами — и не могли устоять перед их напором. Разумеется, все земли послали ятвягам помощь, но первыми прибыли витинги из Помезании под предводительством Пиопсо — просто потому, что им было ближе всего. Наука Видевута не прошла даром, и объединенные дружины, обученные ведению боя, принятому во внешнем мире, смогли противостоять напору чужеземцев.

Когда армии врагов были отброшены, рикис-помезан воспользовался случаем и снова собрал рикият — теперь даже самым упертым стало очевидно, что в одиночку противостоять угрозе извне невозможно.

Собрание решили провести прямо в поле, откуда объединенные армии гнали чужаков. На небе, как это часто случается в Ульмигании, было две разных погоды одновременно: слева ярко светило летнее солнце, справа до самого горизонта тянулись тяжелые свинцовые тучи. Те вайделоты, что поопытнее, хмурились, глядя на небо, — видимо, у богов разлад. Смертные не отставали — они долго и со вкусом спорили. Наконец, когда мудрые мужи выдохлись, слово взял Брутен:

— Я много узнал про ваши земли и ваших богов за то время, что живу здесь, и меня поражает, насколько вы были счастливы. Наш мир родился из убийства, и, наверное, поэтому в нем было столько крови¹. Ваш мир — другой, но, увы, границы, которые раньше берегли его, постепенно стираются. Однако, кажется, я нашел способ это исправить. Смотрите!

По мановению его руки слуги выкатили к костру телегу, на которой лежал большой камень.

— Подобные камни мы ставили в наших землях, чтобы воззвать к богам и что-то у них попросить. Я знаю, что вы поклоняетесь живому, но, если посвятить этот камень вашим богам, возможно, он сработает лучше.

— И зачем это нужно? — спросил вайделот ятвягов.

— Я думаю, если все сделать правильно — можно попробовать на время закрыть границу вашего мира, как она была закрыта до недавних времен. Может быть, это даст нам время, что вернуть милость богов.

Рикият снова зашумел, но в этот раз возмущенных голосов было слышно сильно меньше — грозные чужаки оказались гораздо большей угрозой, чем кто-либо мог себе представить.

Наконец, совет решил спросить у Перкунаса, что тот думает по поводу ритуала. Привели большого черного козла, принесли его в жертву и попросили у Громовержца явить знак, если он против всей этой затеи. Знака явлено не было, и мудрые жрецы решили принять молчание за согласие.

Первый рунный камень, созданный Брутенем, решено было установить на берегу реки Нарев, за Великими озерами. Раньше на другом берегу были непроходимые болота,

¹ Брутен, конечно, был несправедлив к своей родине, но мало кто из вынужденных эмигрантов не грешит тем, чтобы увидеть свою землю в темных тонах.

сокрытые туманом, из которого никто никогда не возвращался, — а теперь именно оттуда пришли чужаки.

Пошли все, даже самые древние вайделоты, которые еле передвигались без посторонней помощи. Слуги вели под уздцы коней, которые тащили по болотистой земле телегу. Камень, лежащий на телеге, не впечатлял — в Ульмигании было не очень много полезных ископаемых, поэтому этот валун нашли буквально в лесу. С одной стороны на камне был изображен человек с тремя лицами, что, видимо, должно было символизировать Перкунаса, Потримпса и Патолса, а обратная сторона была покрыта значками — теми самыми рунами, которые братья привезли из своей земли.

Слуги сняли камень и установили его на берегу реки, после чего Брутен окропил камень кровью жертвенного козла. В это же время Тарайис, который учил Брутена жреческому искусству, начал произносить молитву Перкунасу и остальным богам.

Когда вайделот закончил, с востока налетел порыв холодного ветра. Он принес с собой туман, сокрывший противоположный берег реки.

— Чудо! Чудо! — зашептались вожди.

Кто-то кликнул местных витингов и приказал им отправиться на другой берег разведать обстановку. Воины перешли реку вброд и погрузились в туман.

Понемногу начало смеркаться, от реки тянуло не летним холодом — но никто не тронулся с места. Наконец, уже ночью, посланные в дозор витинги вернулись.

— Это чудо Перкунаса! — вдохновенно сказал старший из них. — Еще недавно там были равнины, холмы и леса — а теперь только туман и болота, причем сколько ни иди — болота не заканчиваются, туман не расступается!

Радости рикията не было предела — про большой и страшный внешний мир теперь можно было забыть. Хотя бы на время.

Лишь двое остались стоять на берегу реки — Брутен и старый вайделот.

— Ты тоже это почувствовал? — спросил жрец.

— Да, ритуал как будто выпил из меня все силы. Я чувствую себя очень уставшим и больным.

— Ты понимаешь, что каждая деревня теперь потребует от тебя такой камень?

— Это жертва, которую я готов принести. Наши люди называют эту землю домом, и раз мы не смогли уберечь свой старый дом — попробуем уберечь новый.

Как и предсказывал вайделот, волшебные камни захотели себе почти все — кроме, разве что, жемайтов и других народов, живших к северу от Немана. К ним чужаки пока особо не закахивали.

Рикис-помезан решил, что Видевуту с Брутеном негоже больше жить под его крышей — он помог братьям построить новое городище, которое назвали Ромове. Сюда привезли отросток священного дуба с Гальтгарбена — Брутена, совершившего великое чудо, посвятили в вайделоты и разрешили ему служить богам в своем новом доме.

— Все идет так хорошо, что не верится, — сказал Брутен, пока они с братом наблюдали, как их подданные вкапывают в землю деревянные столбы. Этим столбами предстояло стать стенами нового поселения.

— За исключением того, что твоя магия тебя убивает, — проворчал Видевут.

— Не начинай снова, пожалуйста! Мы уже столько раз это обсуждали! Мы не знаем наверняка, что ритуал мне как-то повредил. Мы делали это всего один раз, сейчас подготовим другие камни — и посмотрим.

— И что будет, если ты поймешь, что они забирают твою жизнь? Перестанешь?

Брутен промолчал — оба брата прекрасно понимали, что этого не произойдет.

— Сколько у тебя их попросили?

— Все южане, особенно помезане — они волнуются больше всего. Ятвяги на западе — во вторую очередь, они послали дозоры и исследуют, где еще есть проход в новые земли. На севере и востоке все спокойно — по крайней мере пока. Не очень понятно, что делать с морем, но это наименьшая из проблем сейчас.

Братья помолчали.

— Наши мастера сейчас готовят камни — местные совсем не умеют их обрабатывать. Потом мы отвезем их к границам — и посмотрим, как пойдет дело. Может быть, тяжело было только в первый раз.

— Хорошо. Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Не все в Ульмигании были настроены так оптимистично, как братья-кимвры. На Гальтгарбене тем временем собрались вожди и вайделоты, которым не нравилась идея запереть границы мира.

— Я видел сон, — сказал вайделот, служащий Перкунасу на горе Рамбинас, — об огромном пауке. Этот паук сидел на берегу залива, и его лапы, сотканые из огня, тянулись через всю Ульмиганию. Это зрелище было отвратительным, но еще более отвратительным оно стало, когда я понял, что этот паук — не паук даже, а огромный клещ, впившийся в ствол Мирowego Древа.

— Спасибо за такой яркий образ, Дорге. Мы поняли, что ты имеешь в виду, — сказал рикис куршей. — Я не понимаю, почему все так быстро поверили чужакам. Да, происходит что-то непонятное, да, боги реже стали нам отвечать, и да, ятвяги столкнулись с большой угрозой. Но это не значит, что мы должны запереться в свой скорлупе! Тот же Видевут

научил наших витингов новым способам ведения войны — мы бы о них никогда не узнали! Мы за то, чтобы взаимодействовать с новым миром!

— Не говоришь ли ты так только потому, что в твои земли попали торговцы с богатого южного моря и поменяли янтарь на железо и золото? — язвительно спросил рикис самбов, который немного завидовал удачливому коллеге.

— Отчасти, и это только подчеркивает мою мысль — чужеземцы не обязательно несут зло!

Рикият замолчал — все обдумывали слова курша.

— Я съезжу в Помезанию, — сказал вайделот Гальтгарбена, который все это время молчал. — Поговорю с Пиопсо, дам ему понять, что не весь Островной край поддерживает его так единогласно, как ему кажется. Может быть, его подопечных еще не поздно остановить.

Смертным не положено решать судьбы мира, это доля богов. Но если боги молчат, а мир на распутье, решения принимать приходится — и у людских правителей обычно сносит от этого крышу.

Пиопсо выслушал приехавшую к нему делегацию, даже обещал подумать над их словами — но планов своих, конечно, не изменил, только усилил сопровождение Видевута и Брутена, когда они отправились на запад, чтобы установить новый камень.

Этот камень был треугольным — его планировали установить на впадении Вислы в море, чтобы защитить помезан от соседнего народа, появившегося на противоположном берегу реки. В этот раз на установку защитного обелиска никто не приехал, кроме самих помезан, — разве что ятвяги прислали вестника, что их вайделот заболел, а рикис слишком занят восстановлением земель после набега.

Как и в прошлый раз, Брутен окропил камень жертвенной кровью, и теперь уже сам прочитал молитвы — все необходимые знания жрецы ему передали.

Когда ритуал закончился, начался жуткий ливень. Воды Вислы забурлили, и стало видно, как противоположный берег реки начинает разливаться. Вода все прибывала, но с той стороны, где стоял камень, ничего не менялось — лишь все дальше становился другой берег. Наконец, река поглотила все пространство до горизонта.

— Висла снова стала границей мира, — восторженно выдохнул Пиопсо. Характером в своего предка, Эльби, он не очень любил воевать, и соседство с новыми непонятными народами его не вдохновляло. — Ой, а что с тобой стало?

Он встревоженно посмотрел на вернувшегося Брутена. Борода молодого мужчины после ритуала стала седой, как у старца. Задумавшись, кимвр ответил:

— По моему опыту, чудеса никогда не случаются бесплатно.

Ульмигания раскололась — ее правители никак не могли сойтись во мнении о том, нужно ли восстанавливать броню, защищавшую Островной край от чужаков. Первыми не вытерпели курши, заключившие союз с самбами. Вайделот Гальтгарбена признал братьев-кимвров отступниками, оскорбляющими Перкунаса и искажающими замысел Окопирмаса. Вслед за проклятиями направилась армия, но Видевут не терял времени даром и сумел изрядно упрочить свои позиции. Витинги Ромове — все еще плохо говорящий на местном наречии конунг называл их викингками — не только отбили удар объединенной армии, но и отправились в ответный поход. Видевут прошел, как раскаленный нож сквозь масло, через весь полуостров,

вплоть до косы Неринги. Он убил рикисов этих земель и поставил на их место своего новорожденного первенца, Само, от имени которого правил сам. Остальные правители Ульмигании выучили урок и больше открыто не бастовали.

Наконец, настало время устанавливать третий камень, самый дальний — на востоке, в землях ятвягов, где граница почему-то была особенно хрупкой. Брутен настоял, чтобы с ними поехал вайделот Помезании, хотя всем остальным казалось, что в этом не было нужды, ведь жрец-кимвр и сам прекрасно справлялся с ритуалом.

Этот участок границы был самым сложным, здесь между Наревом и Неманом, двумя граничными реками, раскинулась большая равнина. Некоторые вайделоты считали, что именно там находилось место, где Островной край сливался с Мировым Древом. Неизвестно, правда это была или вымысел, но раньше эти земли были пустынными и никто туда не ходил. Теперь же оттуда нет-нет да заходили чужеземные караваны или дозорные отряды.

В этот раз, после расправы Видевута над самбами и куршами, к обряду вновь присоединились жрецы и воины почти со всей Ульмигании.

— Очень иронично — мы так боялись, что нас захватят чужеземцы, что в итоге отдали этим самым чужеземцам столько власти, — осторожно прошептал вайделот из Гальтгарбена рикису Вармии, но тот сделал вид, что не услышал.

Перед тем как Брутен начал заколдовывать камень, устроили большой пир и жертвоприношение. Рядом с местом, где планировалось установить рунный обелиск, разожгли костер из священного огня. Брутен обошел камень и проверил, все ли в порядке с рунами. Затем он воздел руки к небу — и начал молитву.

Земля под ногами людей заходила ходуном, раздался страшный грохот.

— Смотрите, небо падает на землю! — крикнул кто-то в толпе.

И действительно, облака наклонились, а горизонт стал стремительно приближаться. Наконец, пространство исказилось так, что небосклон как будто выгнулся к земле и превратился в вертикальную стену, начинающуюся сразу за камнем. Человеческий разум не был способен осознать такое, поэтому многие гости церемонии в ужасе попадали на землю, закрывая руками глаза.

Из-за творящегося рядом то ли чуда, то ли кошмара никто не обратил внимания на Брутена. Этот молодой еще мужчина сохся, как будто из него выпили всю жизненную силу. Он выглядел старцем настолько древним, что в Ульмигании еще никто не доживал до такого возраста. Наконец, Видевут, оторвав взгляд от упавшего на землю неба, посмотрел на брата — и застыл. Брутен, слегка улыбнувшись, направился в сторону костра со священным огнем. Доковыляв до него, Брутен оглянулся на Тарайиса, кивнул, прошептал: «Пора», — и вошел в костер.

Видевут бросился спасать брата, но было слишком поздно. Брутен совершил последнее свое чудо — вместо горячей плоти все увидели, как тело жреца становится Светом. В то же время засветился стоящий рядом камень, и еще два луча света отправились куда-то вдаль.

— Теперь он действительно оберегает этот мир, — сдавленным голосом сказал Видевут.

Собравшиеся рикисы, вайделоты, витинги и слуги попали перед Видевутом на колени — по крайней мере, те из них, кто еще стоял. Всем стало понятно, что Ульмигания снова стала островом, и не было на нем силы большей, чем у конунга-кимвра.

Что было дальше — мы одновременно и знаем, и не знаем.

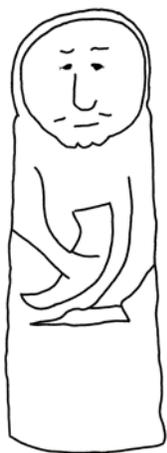
Тарайис, бывший вайделот Хонеды, переехал в Ромову и продолжил работу Брутена — делал каменные изваяния, которые защищали Ульмиганию от внешнего мира. Брутена, Тарайиса и всех их последователей, державших границу и уходивших потом в Свет, называли Криве — и мы, увы, толком не понимаем, как это переводится. Влияние Криве на земле поддерживала армия — сначала Видевута, потом его сыновей и потомков.

Кому-то могло показаться, что мир вернулся в благословенный Золотой век — но мудрые видели, что это не так. Что-то навсегда изменилось, и люди остались без присмотра. Боги, конечно, никуда не делись — море не иссохло, солнце не погасло, земля не обесплодела. Просто теперь не являлись людям не только могучие небожители, но даже те, кто всегда был рядом, — морские девы, барздуки, маркополи, даже мудрые лисы замолчали, а дороги в Холмы закрылись. Почему так произошло? Нам не объяснили, и мы уже вряд ли узнаем всю правду.

Сказать, что в Ульмигании наступили темные времена, тоже было бы не совсем справедливо — человечество переросло эпоху своего беззаботного детства и постепенно освоилось в новых условиях.

Однажды плотина, построенная братьями-кимврами в течении реки Времени, разрушилась. Скорлупа, защищавшая Островное царство, лопнула, и населявшие его народы вновь столкнулись с большим чужим миром. Камни, заколдованные Видевутом и его последователями, утратили свою силу — и стали просто валунами с вырезанными на них фигурами. До нашего дня сохранилось несколько таких обелисков, их называют прусскими бабами.

Но миф здесь заканчивается, а про то, что не миф, вы прочитаете в какой-нибудь другой книге.

ЛИТЕРАТУРА

При работе над этой книгой я использовал несколько групп источников.

Хроники

Самые известные из них — «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга (переведена на русский язык), «Прусская хроника» Симона Грунау и «Судавская книга». Именно из этих произведений мы впервые более или менее подробно узнаем о прусских верованиях и обрядах.

Работы историков и археологов

Я прочитал много разных научных трудов на русском, немецком, польском и литовском языках. Иногда одни исследователи полностью противоречили другим — но так, видимо, и должна работать наука. Здесь я порекомендую работы советских и российских ученых, которые больше всего помогли мне в исследовании прусской мифологии и сборе информации для этой книги.

В. Н. Топоров и В. В. Иванов внесли огромный вклад в развитие представлений о балтийском пантеоне, стоит обратить внимание в первую очередь на «Заметки по балтийской мифологии» в «Балто-славянском сборнике».

Особую благодарность хочется посвятить В. И. Кулакову, российскому археологу и историку, за его «Историю

Пруссии до 1283 года». На сегодняшний день это, кажется, самая всеобъемлющая и масштабная работа о дохристианской Пруссии. У этого же автора есть более адаптированная для широкой аудитории книга — «Дорогами Ульмеригии. Путешествие по прусским землям: исторический путеводитель».

Еще хочется отметить историка и археолога Р. А. Широхова, который не только исследует древних пруссов, но и активно помогает популяризировать эту тему.

Сборники легенд и сказок

С тех времен, когда Восточная Пруссия была немецкой провинцией, до нас дошло несколько сборников легенд и сказок. Проверить историческую достоверность этих историй у нас нет возможности, поэтому оставим это на совести авторов. Но эти книги помогли мне достичь очень важной цели — по-новому взглянуть на знакомые места и поставить на мифической карте Ульмигании несколько ярких точек.

Некоторые рассказы из этой книги (например, про Балтийскую косу) вдохновлены легендами из этих сборников:

Willhelm J. A. von Tettau, Jodocus D. H. Temme. Die Volkssagen Ostpreußens, Litthauens und Westpreußens. Berlin, 1837.

Schulrat Meerkatz. Sagenbrunnen für Ostpreussen. Melchior Verlag, 1924.

Erich Pohl. Die Volkssagen Ostpreußens. Gräfe und Unzer Verlag. Königsberg, 1943.

Christa Hinze, Ulf Diederichs. Ostpreußische Sagen. [Vom Samland und der Kurischen Nehrung bis zur Rominter Heide und den Masurischen Seen]. Ullstein Buch. Frankfurt M./Berlin, 1988.

Филипп К.

Прусские боги

Иллюстратор Наталия Богданович

НЕ ПЕЧАТАТЬ

ISBN 978-5-0065-9091-5

9 785006 590915 >